Алексей Козловский

Парни с рабочей окраины

Абакан
Хакасское книжное издательство
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-6х)6–5
К 59

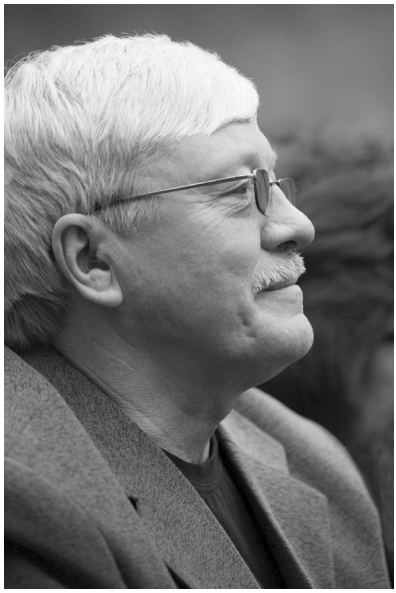
Козловский А. Д.

К 59 **Парни с рабочей окраины**. Стихи. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013 — 148 с.

ISBN 978-5-7091-0617-8

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-6х)6–5

© Козловский А. Д., 2013
© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2013



Алексей Козловский родился в 1947 году в Минусинске.

После окончания географического факультета КГПИ в Красноярске много лет проработал в Новотроицкой школе Бейского района Республики Хакасия. Алексей Дмитриевич – заслуженный учитель РСФСР.

Первая подборка стихов «Рыжий календарь» появилась с лёгкой руки Романа Солнцева в газете «Красноярский комсомолец» в 1970 году. Печатался в журналах «Смена», «Молодая гвардия», «Наш современник», «День и ночь», «Сибирские огни» и других изданиях. Автор 13 книг стихов и прозы. Первая книга стихов «Дни осени» вышла в 1977 году по итогам 6-го Всесоюзного совещания молодых литераторов в Москве, проходившем в 1975 году, где он представлял вместе с Е. Поповым и Огдо Аксёновой Красноярский край и был отмечен в числе лучших среди начинающих поэтов. По итогам Всесоюзного совещания в Горно-Алтайске в 1994 году был принят в Союз писателей России. Участник 3-го съезда писателей Сибири в Новосибирске в 1999 году. Член литературного объединения «Стрежень».

В октябре 2012 года от Московской городской организации СП России получил литературную премию с вручением медали имени А. П. Чехова за верное служение отечественной литературе.

Новая книга «Парни с рабочей окраины» является продолжением книг «Семь с половиной недель осени» и «Перелётные ангелы нашей любви», также вышедшие в Хакасском книжном издательстве в 2012–2013 гг.

Современная направленность стихов Алексея Козловского заинтересует читателей и раскроет ещё одну сторону литературных способностей нашего современника.

СТИХ 1

Наше время совпало со снегом,
Как поездка совпала с распутицей,
С безнадёгой, с беспутною спутницей,
Со второй половиной века,
С его взлётами и застоем,
С его Пьехою и «Поехали!»,
С его трезвостью и запоями.
Мы тогда ещё планы строили,
Но уже наполнялись гноем
Души вымороченных изгоев.

СТИХ 2

Парни с рабочей окраины:
Костя, Лёха и я,
Саня и Коля Рыбкин.
Из пятерых – в живых двое,
И то второй под вопросом.
Шляпы, на лицах улыбки,
Будущие матросы,
Культработники – коммунизма строители,
Служители и хулители.
Пока пробирались к зданию
Через лесную чащу,
Перепутали все задания,
Все входящие-исходящие,
Под гудок тепловозный с откоса
И под запахи солидола,

Где теплее куртки с начёсом
Знамя Ленинского комсомола.

СТИХ 3

Мой ежедневник – записи прошлых лет,
Кое-где подробные, местами – наброски.
Адреса, телефоны – потом пробел,
Потом список дат – алиби к допросу.
Мой ежедневник значительно похудел:
Год 1997 – год шестидесятилетия
Наветов и доносов.
Уже сыновья и внуки тех,
Кто стоял напротив и спиною к стенке,
Вспоминают времена тех страшных вех,
Когда у всех подрагивали коленки.
До сих пор архивы прячутся за дверьми,
И не для каждого они открыты бывают,
И люди не чувствуют себя людьми,
Когда случившееся вспоминают…

СТИХ 4

Прошлогоднему снегу приснился вчерашний дождь,
А задавленному нуждой пенсионеру –
Позавчерашний вождь,
Не принимающий простые слова на веру,
А пустые дела – за дело,
На чёрно-белом.
А чёрно-белому фильму – цветное кино,
Только пенсионеру было уже всё равно.
Пенсионер соорудил плакат:
«За нами Москва, и ни шагу назад!»
Какая Москва, ты живёшь на юге
Сибири, тебе вьюги играют фуги,
Тебя коммунальщики отжимают от благ,
А ты, простофиля, вывесил флаг
Давно исчезнувшей Атлантиды
На полном серьёзе, сказать бы – для виду?

Пенсионер, упорствуя, тормозит реально,
К старухе своей не заходит в спальню.
Говорит: «Когда-то и я был рысаком,
Да всего лишил какой-то КОМ…
Не то райком, не то крайком или избирком.
Последний чего-то там сделал с голосом,
Вот и пошла жизнь с полосы на полосу,
Не хотелось бы умирать в нищете,
Но вот деньги те и уже не те,
Как у Вини-Пуха,
Мёд был – и нет его (что делать – непруха)».
Прошлогоднему снегу приснился вчерашний дождь,
А нынешнему пенсионеру – будущий вождь.
На вождей у нас строгое распределение,
Никаких отклонений или несовпадений.
Нынешний сказал: «Я заинтересован…» –
Вот эти слова и берём за основу.

СТИХ 5

В магазине «Хакасия» – продуктовом тогда и сейчас –
Через площадь, рядом с Домом правительства,
Выбрасывали «мясо» подчас,
И моментально разлеталась молва –
Сплетня и слух по совместительству:
«В «Хакасии» без талонов продают обрезные кости».
Красноватые, как тальниковый хворост,
Лежали внавалку на жестяном прилавке…
Кому пуговиц на пальто не жалко,
В очереди той обосновались.
Может, это рёбра целебные здесь остались
От весьма благородных маралов?
Да нет, обыкновенные, говяжьи.
Однако всем не досталось.
Очередь ропщет: «Надо бы посмотреть под прилавком…»
Уходить с пустыми руками жалко.
Но это было лет двадцать тому.
Теперь мяса любых сортов хватает,

И за ним очередей не возникает.
Даже в голову, растуды твою мать,
Никому не придёт очередь занимать.
А охапка тех красных костей
Так и осталась моментальной фотографией
В памяти моей и фактом
Нашей общей со всеми биографии,
Не поддающейся никакой анафеме.

СТИХ 6

Два мужика бухали: толстый и тонкий
(Почти по Чехову).
Пили у толстого, а у того баба с полтонны…
И вот закончилось у них «бухло».
Тонкого к тому времени слегка развезло,
Раскатал он губу на выпивку невзначай,
А толстый говорит: «Остался только чай».
Тонкий – клянчить, а толстый, на голову отнюдь не слабый,
Находчиво предлагает: «Побори мою бабу,
Она силой меряться любит до усрачки,
Глядишь, и достанет пузырь из заначки».
Тонкий, хотя изрядно пьян,
Сделал поправку на худобы изъян –
Как побороть этакий «танк», не знает
И даже заплакал: «Наливай, кум, чаю».

СТИХ 7

Вчера шёл снег, и сегодня идёт он,
Вчера плохое настроение, и сегодня – оно,
Тяжёлым осадком беспричинно легло на дно –
Безнадёга, а может, и не без «надёг».
И то, и другое… но
Это другое может поднять в душе
Муть, хотя бы ни есть какую.
Свет погас почему-то на всём этаже
И загораться не хочет ни в какую.
А по всей голове, там внутри, – звонки,

Слышно, как забегали импульсы в пентхаусе:
«Ты ему впредь не подавай руки,
Пусть хоть четырежды прикинется Микки Маусом,
Всё равно он даже не Заяц в «Ну, погоди»,
А нахрапистый Швондер, но пока без маузера».

СТИХ 8

Странная закономерность возникает сразу –
Только проявился на фотографии оппозиции,
Как тут же выясняется, словно бы от дурного сглазу,
Что господином этим заинтересовалась полиция.
Пятнадцать лет жил без напряга, и вдруг
Выясняется, где-то далеко и давно в Сибири
Решил прибарахлиться и 500 штук
Шапок реквизировал в чужой квартире.
Другой, опять же лет пятнадцать назад,
Приставал к несовершеннолетней особе нежно.
Так что же, целовать их за это в зад
Или раскланиваться при встрече прилежно?
Лимонов сказал: «Если входишь в противоречие
С властями, так подчищай за собой хвосты
И тогда на митинги ходи беспечно,
И с любым чином можешь разговаривать на ТЫ».
Конечно, он мог бы накрутить немало
В разрезе душеспасительных бесед,
Но вдруг примут закон, порицающий бисексуалов,
Хотя этому два раза по пятнадцать лет.

СТИХ 9
ОСКОРБЛЕННЫЕ В ЧУВСТВАХ.

Как наказывать за чувств оскорбления?
Дума в большом недоумении.
Так ведь и есть озадачиться чему –
Угодить нужно многим, а не кому-либо одному.
Верующих притесняли от Ленина до Брежнева,
Да и после не поощрялись посты и моления,
Далее – патриоты просят защитить от оскорблений:

«Если родину люблю больше космополитов,
То на меня тявкать может всякая Кумпарсита?»
А им возражают: «Насильно не станешь мил,
Будь ты хоть нильский крокодил».
Да хватит вам собачиться, на самом деле,
Работников ЖКХа во все лопатки метелят.
По-вашему, у них отсутствуют чувства?
На дыбки встали деятели искусства:
«Нас тоже ругают за всё и по-всякому,
А мы – богема…» – артисты заплакали.
«А ведь и правда, – озадачились в Думе, –
Об этом как-то мы не подумали».
Тут возмутились полицейские и прокуроры,
Тех тоже часто увозят на «скорой»
От нервного перенапряга во время работы.
Работники просвещения обиделись до рвоты,
А за ними, а дальше, а ещё дальше…
Конечно, не обошлось без натяжек и фальши,
Но в целом граждане правильно оскорбляются.
«Все не смеют обижать всех!» – Закон называется.
Лучше начистить друг другу морды,
А не вставать в позы английских лордов.
Все мы из трудовых сословий,
И вдруг прорезались на тургеневской основе
Сентиментальные Аси, бедные Лизы
Со своими претензиями и капризами.
Не хватало ещё возродить обычай падать в обморок,
Когда лицо похоже на добрый окорок,
А «ручонки» остановят на ходу электричку…
Да мало ли прежде бытовало привычек?
Что поделаешь, если все сплошь из княжьих родов
И наших чувств не смеет касаться никто!

СТИХ 10

Она говорила ему: «Понимаешь,
У меня всё есть:
Грудь, тело, ноги завораживающей красоты

И ты рядом,
Пока ещё здесь,
Заполняющий всё пространство моей пустоты.
Но тебя нет,
И напрасен притягательный свет
Моих глаз, теплота губ…
Понимаешь,
Тебя уже прежнего нет,
А нынешний ужасающе глуп.
Понимаешь,
Нам не хватило на двоих одного
Понимания состояния души и тела.
Ты не захотел стать моим слугой,
А я твоей госпожой быть не захотела».

СТИХ 11

Случаются в жизни у нас непонятки –
Дворники со школьниками играют в прятки
Или в догонялки, или в городки,
А школьники с дворниками – в разбойники и снежки.
В Южном Бутово, в техкомнате мусоропровода,
Жил узбек среди московского народа,
Во дворах убирался прилежно весьма,
Но школьники дяденьку сводили с ума,
Они и над своими издевались товарищами,
Сцены инфернальные выкладывая в Интернет,
А здесь гастербайтер тридцати пяти лет
(Дома жена и двое детей),
А наши деточки смахивали на «чертей»,
Вот и не выдержал дворник, метнул лопату
И с первого раза попал куда-то,
Потом выяснилось – сломал челюсть.
Мужика посадили, но выпустят, надеюсь,
Уж очень одиозна пострадавшего фигура,
Не на первого этак-то пёр буром,
Но и на него, выходит, нашлась управа –
Теперь пользуется услугами Минздрава.

Мать из полиции забрала заявление,
А кто-то говорит: «Конфликт поколений».
Узбека не стали ставить на колени
И тоже выпустили, помогла диаспора –
В Москву не вернётся, утверждаю на́ спор.

СТИХ 12
ШВЕДСКАЯ КРЕПОСТЬ.

Шведская крепость в городе Выборге
Возвышается над городом несколько столетий,
И почему-то с неё нельзя фотографировать,
Фотоаппараты внизу сдают даже дети,
Прежде чем начать взбираться на башню.
Это же надо таким обладать коварством,
Желая увековечить на плёнке виды
Не только королевства, но и бывшего царства!
Моральные уроды, душевные инвалиды.
Лучше бы проверяли на склонность к суициду,
Потому что, если нырнуть птицей
С такой высоты, ничего, кроме
Как финта в небо, и начнёшь кружиться
Над шведскими владениями, нынче Суоми.
Не вздумай грохнуться, не подлежит починке
Твоё тело, всё-таки товар штучный,
А так будут волоокие финки
Махать тебе вслед белыми ручками.
А обманешь мировой закулисы секту,
То с высоты заоблачных бастионов
Можешь столько наснимать секретных объектов,
Что заменит работу и сотни шпионов!

СТИХ 13

Проникающая радиация наших потерь –
Ты вроде бы против, а она проникает.
Скрипнул порожек, стукнула дверь,
И никто тебя более не отвлекает.
Никто и ничто, а ты не рад,

Лучше бы отвлекали, спокойней как-то.
Теперь жди, а вернётся назад
Или станет завершением последнего акта?
Проникающая радиация добра и зла,
Добродетели, а то и всемерного хамства,
Но даже если полюбишь «козла»,
Не надо это считать упрямством.

СТИХ 14

В России француз Депардье
Поучает оппозицию, как вести себя надо,
А во Франции – Родитель А и Родитель Б,
В результате реформы господина Орландо.
У них достаточно своей галиматьи:
Браки однополые, не родители, но супруги,
И к чему наставления их Мирей Матье,
Их Бордо брюзжание и Геккереновых слуг услуги?
Французик из Бордо, корсиканская шваль,
Теперь вот пьяненький рокер с известной славой,
То ли дело прежде: Вольтер, Паскаль,
Да хотя бы и японец Акатугава.

СТИХ 15
К ИСТОРИИ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ.

В 2004 – восемнадцать,
В 2014 – двадцать восемь,
И вроде бы детство пора отбросить,
А оно светится улыбкой с лица,
И спокойно становится на душе,
Как перед рождения днём или похорон.
Свершилось – хорошо ли, плохо ли,
В ресторане банкет или скромный фуршет?
Он будет думать, что умерла уже
Та, которая вошла в сюжет
Со слезами радости или утраты вздохами,
А ей двадцать восемь – только и всего,
Некоторые в пятьдесят вытворять действовать:

Картины малевать, а то из слогов
Выстраивать всяческие непотребные действа.

СТИХ 16
НОВОСТИ В СМИ.

Новость 1

Давайте вцепимся в новостные ленты,
Хоть «Газеты.ру», хоть «Эха.ком».
Кто-нибудь скажет: «Опять эксперименты
И опять под сатирическим углом?»
Да какая сатира, тут плакать хочется,
И углы разные – от острого до тупого:
В каком углу землетрясение в Сочи,
А в каком – «Суперджет» Сухого?
То обличают самого президента –
Почудилось, что говорит не своим голосом,
То чиновника сановного апартаменты,
То женщину с большой грудью
(Завистницы рвут на себе волосы).
И хором – всё того же артиста французского,
Сказал, что у нас офигенная демократия,
И даже выучиться обещался по-русски,
Наверное, чтобы посылать доходчиво к такой матери.
Ясное дело, наш язык побогаче,
Чем их, с жеманным прононсом,
А если от души, и тем паче
Можно любого перелицевать альфонса.
В Сочи паспорт вручил президент артисту
С нашим гражданством на его имя.
Кошки тоже сношаются быстро,
Да котята рождаются, как на грех, слепыми.
И здесь, гласит мудрость народная,
Цыплят по осени считают, как водится,
Хотя вряд ли до конфликта дойдёт международного,
Но как бы опять не вспомнить о Богородице.

Новость 2

Владелица пса, ослепшего от катаракты
И по этой причине не выходившего из дома,
Подобрала на улице бродячего кота
Для налаживания с любимцем хоть каких-то контактов
С окружающим миром, и кот
Вывел слепца на воздух свежий,
Подталкивая его головой: то вперёд,
То в сторону, исправно и прилежно.
Так и России завести бы кота,
Чтоб он подталкивал головою,
Что поделаешь – слепота,
А понятливый кот поведёт за собою.
Но и стране нужно иметь хоть какой-то нюх,
Чтобы с поводырём налаживать контакты,
Или кот-поводырь должен пахнуть за двух,
Чтобы конкурировать с пёсьей катарактой?

Новость 3

Жителя Казахстана, кортежу чиновника
Показавшего средний палец руки,
Задержали охранники-«байстрюки»,
И он пять суток будет, да не условненько,
Отбывать наказание при фартуке и метле,
Забыв про жену, детей и любовницу,
Бифштексы домашние, сайки и чай «Нестле»,
Потому что время ему отбывать под охраной,
Такая привилегия выпала хулигану.

Новость 4

Всё могут короли и учителя литературы тоже,
Один такой из Италии свихнулся, похоже,
В «Твиттере», правда, не преследуя целей корыстных,
Сообщал о смерти президентов с совестью чистой.
Мол, так и так, умер Фидель Кастро и Римский Папа,
Соболезную, положив сердце на лапу,

А ещё Башар Асад и Михаил Горбачёв,
Тоже выражаю сочувствие горячо.
Де Бенедетти – имя этого «шутника»,
О своей кончине он не сообщил, похоже, пока.
Препод литературы начитался первоисточников,
Вот и приложился к «Твиттеру», как и подобает склочнику.
Там его пожурили немного,
А у нас точно бы указали в «кутузку» дорогу,
Особенно если бы пошутил над служителями,
Сразу бы подвергли обструкции искусителя
И анафеме с площади у большого храма,
Обозвав кощуницем и ужасным хамом.
А до этого один влез на купол Святого Петра.
Ему снизу кричат: «Чудак, слезать пора!»
30 часов куражился на соборной верхушке,
Ну, не снимать же его с помощью «воздушки».
Наконец слез вместе с тараканами в голове своими,
Не засудили, а впредь запретили появляться в Риме.

Новость 5
О портянках в армии.

«К концу 2013 года мы должны забыть слово «портянка», –
Сказал российской обороны министр.
Не слишком ли быстро?
Неужели наши солдаты так закалились скоро,
Что по снегу босиком бегать в самую пору?
Но до этого четверо умерли как раз под боком Бурденко
От пневмонии. Может, врачей ставить к «стенке»?
Нет, это бязевые виноваты обмотки,
Шерстяные носки «распилили» по наводке
«Оборонсервиса», но погодьте, ребята,
Кажется, там вовсе нет виноватых?
Мы же у них конфисковали километры «капусты»,
Вот чем можно солдатские ножки обмотать густо
И с большим чувством,
А их 13-комнатные квартиры, дворцы и дачи
Нельзя наматывать на тела, иначе

Простудятся наши новобранцы зелёные.
Министр же увещевает своих с поклоном:
«Прошу поэтапно изготовить график
Обеспечения солдат, да опять не проштрафтесь».
Зима кончается, а ни графика, ни имущества,
К тому же нет между интендантами и солдатами интерфейса,
Зато розовеют генеральские фейсы,
И возникают отложения валюты в сейфах.
А может, «онучи» заказать у Гуччи,
И волки сыты, и овцы целы?
Вот это дело!

Новость 6
«Зорбинг».

Как чудесно проводить время, с разгона
Скатываясь с горы в большом зорбе.
Двое придумщиков аттракциона
Уговорили двоих таких же зомби
Подзаправиться на халяву адреналином
Всего за 300 «деревянных» целковых…
Скатились в пропасть, один сломал спину
И умер, другому в клинике начинать жить по-новой.
У организаторов сдали нервы,
И они пустились в бега тараканьи.
Что скажешь, «зорбинг» – занятие нервное,
И люди сели не в свои сани…
А в конце статьи, завершая свой бег,
Чтобы комментарии смогли оставить ныне:
«Подтвердите, что вы – человек,
Введите символы, указанные на картине».
Вот уж действительно и смех, и грех,
Лошадь не станет гонять в ноутбуке,
Ей трудно осилить такие науки.
Символы набираю,
Человека в себе подтверждаю,
Но никогда не полезу в «зорб»,
Лучше прямиком в морг.

Только и там имярек
Сакраментально осклабится: «Сё человек?
Ну, если так – вам сюда.
Полезно «зорбингом» заниматься иногда».

Новость 7

В новогоднюю ночь гражданин Египта
(Наверное, вообразив, что он – фараон)
Справил нужду не под эвкалиптом,
А в Вечный огонь помочился он.
Ему сделали замечание волгоградцы,
Хватило же терпения перенести такое,
Правда, этот мужик полез драться,
Такое не назовёшь даже отстоем.
Дебошира задержали сотрудники полиции
За надругательство над местами захоронения
И ещё за то, что, царапая лица,
Обзывал свидетелей египетскими местоимениями.
Что ещё к этому добавить напрямик,
Если трезво и без африканских истерик,
Считай, обеспечил себе «пятерик»
В колонии общей, по крайней мере.

Новость 8

Кейт Уинслет – оскароноска
Третий раз выходит замуж удачно
За миллиардерова племянника-переростка.
Да и свадьбу справят более чем смачно,
Не где-нибудь, а в космоса немыслимом пространстве,
С Недом Рокнроллом в невесомости кувыркаясь,
Культурно, без самодурства и пьянства,
В семейную жизнь налегке вживаясь.
Опять же пригласила Леонардо Ди Каприо,
Всё-таки вместе снимались в «Титанике»,
Но если шампанского разольют хоть каплю,
Она может оказаться у любого в подштанниках.
Конфуз, щекотно, зато без истерики.

А с чего расстраиваться, недаром британская королева
Вручила ей орден Британской империи,
Всё по-честному – женится, а не ходит налево,
Хотя Хелен Миррен, 66 лет, обошла нашу деву
Красотой и изяществом тела.

Новость 9

Порядочность в культуре – звук пустой,
Худруку балета плеснули кислотой
В лицо, не сошлись в распределении ролей,
Вот и пострадал от «художества» упырей.
Ну, если в Большом театре страсти-мордасти,
Тогда от депо трамвайных каких ждать напастей?
Трудно припомнить, чтоб такое было,
Когда трамвай трамваю свернул рыло
Или два троллейбуса схлестнулись нос к носу,
Выясняя свои тролевые вопросы.
Фи, ну это же сплошное бескультурье,
Пусть даже балет или сопрано колоратурное,
Хотя свободно могут намять холку,
Если начнут разбираться с толком:
Почему «Иоланта», а не «Русалка»,
Может, ещё пионерка со скалкой?
Нет, этак мы, пожалуй, зайдём далеко,
Как в Красноярск заехала опера «Садко»?
Уж купец за себя постоять сумеет,
Всё ещё в ходу коварство падчерицы Соломеи,
Сюжет гуляет через Уайльда к Виктюку и Агееву,
Не теряя актуальности и не бледнея.

Новость 10

Эта новость удивила, и очень,
Ещё бы, «Москва – Нерюнгри» – это не «Москва – Сочи».
Пассажир поезда, идущего по бамовским просторам,
Вышел в тамбур, а вернулся не скоро.
Покурив, он, подвыпившая тетеря,
Перепутал с входными боковые двери,

Так и вывалился на полном ходу из вагона
В зимнюю тайгу, но пустился вдогонку
В тенниске, трико и пляжных сланцах
За поездом, ругая про него забывших засранцев.
Километров семь чесал по шпалам,
Бежал, не ведая ни стыда, ни позора,
И добрался до разъезда «Рихард Зорге».
Выходит, ещё одного спас наш разведчик
И начальник разъезда,
Оба действовали безвозмездно.
Отогрел, напоил чаем на дорогу
Да в попутный поезд и пристроил с Богом,
А мужик, догнав ускользнувшие шмотки,
Не стал предъявлять счёт проводнице-тётке,
И даже к РЖД претензий у него не возникло,
Да и пусть бы шалопай только пикнул;
Ему помогали бригадиры и машинисты,
Хотя он тоже добежал быстро.
Захочешь жить, и не такое отмочишь
По сорокаградусному морозу по шпалам ночью.
P.S. Дня не проходит без известий,
Что сходят вагоны с углём с рельсов,
А наш герой не покинул железнодорожного полотна
И был вознаграждён за это сполна.
И как заметил кто-то в «комментах»:
«Гвозди бы делать из таких «элементов».
Ну, об этом ещё писал поэт когда-то,
Так что всё правильно говорите, ребята!
А спецкор «Комсомолки» решил побегать тоже
По путям, правда, в кроссовках и брюках.
Двух км не выдержал, на голове скукожилась кожа,
И даже при -30 градусах он сдался в муках,
Да не творчества или стыда,
Пообещав не завидовать сибирякам никогда!
Пускай вдоль БАМа бегают олени,
Они привычны и подшёрсток имеют,
А я – теплолюбивый корреспондент,

И пошёл он лесом, этот эксперимент,
Вместе с главредом «Комсомолки»
И друзья его – бамовские волки.

Новость 11

Пока бродячий комик Базуби
Разинул варежку, его козёл Гэрри
(Только подумать, настоящее безумие)
Объел цветы на клумбе городской мэрии.
В Австралии было дело, и голодный козёл
Не мог контролировать позывы желудка,
Хозяина и полицейского вокруг пальца обвёл
И наелся цветов, плюнув на предрассудки,
Что негоже у Музея изобразительных искусств,
Да ещё в таком городе, как Сиднее…
Конечно, козлом овладел искус,
А ведь он циркач и кое-что умеет.
За такие художества прописали штраф,
Но комик оспорил решение первой инстанции,
И здесь, в суде, заявили, что прав
Хозяин козла, аннулировав санкции.
При этом пересуживающий судья
Разглагольствовал: «Гэрри ел бы и мороженое,
По крайней мере, поступил бы так я,
Тем паче нельзя требовать от скота невозможного.
Да и хозяин нарушителя не подстрекал,
Мол, пожри все цветы на музейной клумбе», –
С тем судья выпил воды бокал
И почесал козлу бородку в раздумье.
А я полагаю – странные там суды,
Вот у нас съел бы этакий козлище
Цветочки где-нибудь в центре Москвы,
Получил бы владелец «премию» не в одну «тыщу».
И правильно, беречь нужно благодать,
Люди красоту насаждают недаром.
Это вам не леса околостоличные вырубать
Сразу по несколько сот гектаров,

А на плакатах и спичках писать:
«Граждане, берегите лес от пожара!»

Новость 12

Папаша Реймер – начальник над всеми зэка,
Украл немеренно «баксов» и сказал всем: «Пока!»
Может, спросите по такому глухому случаю:
«А совесть его не мучила?»
Полагаю, что лишь слегка,
Если в Израиле греет бока,
А его бывшие подопечные
Оказались слегка беспечными
И с голодухи (тот разжился на продпоставках)
Восклицают: «И у старухи не без прорухи», –
Но сообразили, только речь зашла об отставке,
Что начальник нагрел «меньшого брата»,
Как Балда объегорил чертей когда-то,
А теперь кто отвечать будет, Пушкин?
Так у него уши с голодухи не пухнут.
Надо было раньше держать их на макушке,
А басен про реформу не слушать.
Вот вам вся история про злых зэка
И их добренького папашу.
Типичный анекдот про жизнь нашу.
Пока.
P.S. Продукты папаша покупал, завышая на 40 %,
Вот и накапали ему на счёт «густые центы»,
А в Израиле рады – богатый мужик приехал
И пользуется здесь успехом,
Не считаясь иностранным агентом,
Тратит свою «законную» ренту,
Полученную от известных афёр,
Хитроумный господин гастролёр.

Новость 13

В Киеве, на мосту, по проспекту Победы,
Киевляне повесили чучела Снегурочки и Мороза Деда.

«Они хотели заменить нам Святого Николая», –
Прикрепили плакат, вдруг кто не знает,
Что «старый пьяница – дед и проститутка – внучка», –
Всё это российские штучки,
Идеологическое оружие самой Москвы,
Которая говорит нам: «Иду на Вы!»
Но истинные украинцы празднуют Рождество Христово
И не поддаются на иное действо или слово.
А уж если чуете сомнения веры,
Празднуйте день рождения Степана Бандеры!
Вот кто сын украинского «Братства»,
И не стоит ломать позвоночник нации –
Растлевать детей долбаными Снегурками,
А нас, целомудренных, считать придурками.

Новость 14

Игрок «Челси» спутал подавальщика с мячом,
Да не просто толкнул плечом,
А пнул подающего мальчика в живот,
Почему-то не отдавал мяч тот.
Об этой каверзе мальчик молчит,
Его задача – подавать мячи,
А он его накрыл своим телом,
Вот и получил, говорят, за дело.
Но судьи не так решили
И футболиста до конца игры удалили,
«Челси» свёл матч в ничью с «Суонси»,
А посему в «Кубок лиги» – накось, выкуси!
Не будете впредь пинать мальчуганов,
Такое нарушение бьёт Абрамовича по карману,
Но и подавальщик тоже хорош,
Этакий английский зловредный Гаврош.

Новость 15

Бард Никитин под музыку Вивальди
Бойкотирует юбилей Юрия Башмета,
Намекая, что якшаться с властью

У либералов плохая примета.
Для Сергея неясно, зачем альтисту
В сторону Кремля отвешивать поклоны,
Может, прельщает звание артиста
Народного, так он им 20 лет как наречён,
Когда нынешних чинов не было и в помине,
Башмет пребывал в руководящем чине
Всевозможных ансамблей, но для Никитина
Доводы эти малоубедительны.
Он посчитал скрипача нерукопожатым,
Отказавшись замечать его 60-летия дату.
Впрочем, получая орден из рук президента,
Башмет не заметил отсутствия аплодисментов
Со стороны, где стояли бы известные барды.
Пускай в другом месте запускают петарды,
Хватит Гергиева, Миронова и Хаматовой –
Для них юбиляр вполне рукопожатый.

Новость 16

Как встретишь Новый год, так и проведёшь его:
В Швейцарии люди купались в озере – один утонул всего.
Не ушёл под лёд (озеро незамерзающее),
И как он теперь проведёт год – знают его товарищи.
А во Франции четверо записных апашей
Подумали: «Стала дорожать жизнь наша», –
И решили обокрасть торговый центр,
Что же теперь весь год обчищать аутленды?
Может, орден Почётного легиона за это
Отвалить правительству от своих щедрот
Или, наоборот, – в тюрьму, если ты задрот?
На Филиппинах тоже не отстают от желания
Год провести феерически слишком:
В новогоднюю ночь четыреста ранено
При запуске фейерверка и погиб мальчишка.
Но если говорить о больших цифрах,
То всё в той же Франции – нелюди и скотины –
За новогоднюю ночь (полиция рассекретила шифры)

Сожжено 1193 машины,
И это несмотря на 50 тысяч жандармов,
Беднота считает неким шармом
Отомстить ненавистным буржуа.
И вот уж, конечно, никакой агитации,
Просто относитесь к новостям внимательней.

Новость 17

Традиционный новогодний флэшмоб
«В метро без штанов».
Нью-Йорк – город контрастов,
Но не так же часто…
Начиналось в метро без штанов
Человек с семи, а может, с трёх.
В 2006 году полиция хотела мобберов привлечь,
Но тем удалось костьми лечь
И доказать, что по закону нью-йорского штата
Можно без верхнего белья ездить, ребята.
Это они проехались не у нас,
Тут бы верующие всех мастей положили глаз
И завопили, что эти полуодетые люди
Их чувства оскорбляют, а значит, будет
Кощуницам соответствующее наказание –
Выпороть, предварительно подвергнув дораздеванию
Нижнюю часть тела,
И казаков привлечь для этого дела!
Но у нас морозно и не во всех городах есть метро,
А в холодном автобусе – уже не то:
На коже выступают «пупырышки»,
Мёрзнут колени, стынут лодыжки,
Да и вполне можно отморозить орудие
Продолжения рода,
А это похлеще лишения свободы.
Одно дело – без штанов, другое – без юбок,
Щеголяет в метро немало голубок:
В 11-м по счёту заезде
Приняло участие три с половиной тысячи

Жокеев и наездниц.
Нет, положительно им новосибирского метро не хватает,
Но это уже история слегка другая.
Может, до нас дойдёт флэшмоб где-нибудь в мае,
И на вопрос: «Почему без штанов?»
Отвечает владелец 45 размера бахил:
«Просто забыл», – и далее так шагает.

Новость 18

Ужасно деловые, из «Голубой устрицы»,
Провели специальные исследования многотрудные
И выяснили, что самый опасный
Для прослушивания за рулём –
Бетховен с его «Пятой симфонией»,
А ещё такие ребята, как Штраус и Бах,
За них водителям полагается штраф,
За прослушивание наказывать рублём,
А можно и сотней «зелёных»
В классический репертуар влюблённых,
Зато «голубые» рекомендуют Элтона Джона
Слушать за баранкой, Гагу и Мадонну,
А с «Пятой симфонией» съехать под откос –
Совсем не вопрос.
И спутнице в голову бигуди
Может вогнать безо всякой аварии.
Так что, водитель, бди,
Когда слушаешь симфонии или арии.

Новость 19

Ну, нет у него адвоката Падвы,
Сегодня нет, а вчера – был.
Может, заболел и помочь-то рад бы,
Но Сердюков удила уже закусил.
Зато есть у него «батальон амазонок» –
С одними спит, с другими решает дела,
Да не «мебельные», обороны спросонок,
Не отходя от кухонного стола.

Тоже нашёлся незаменимый Мессия,
По продажам имущества большой мастак,
И такие бабы с ним дела замутили,
Что Счётная палата не разберётся никак.
Говорят, здесь тестюшка подсуетился очень,
Как-никак, а бывший вице-премьер,
Но теперь мадам Скрынник возвела долу очи,
Тоже «бывшая» и тоже подавала пример,
Как тратить народные золотые червонцы,
Не желая брать на себя вину,
Эти господа сродни солнцу,
Только не греют, а нагревают страну.

Новость 20
Сталинобусы.

По городам поедут «Сталино́бусы»,
Победы День отметив повсеместно,
А вот, к примеру, в октябре ходить автобусы
С каким портретом будут, интересно?
Про Берию все знают – сделал бомбу
В своих гулаговских секретных катакомбах,
И вот уже полвека нет войны,
Враги боятся ядерной страны.
А миллионы сгинувших в ГУЛАГе
(Под каждым городом есть страшные овраги,
Забитые расстрелянным народом).
Портреты от Ежова и Ягоды –
Кого и на каких возить автобусах
По нашей части лагерного глобуса?
Одни за Ленина, другие против – строго,
Давайте разбираться понемногу.
Вождей мы новых завели по жизни
При новом строе, при капитализме,
А «Сталинобусы» – они имеют право,
Чтоб им одни кричали: «Браво!»,
Другие лишь качали головами
И говорили: «Снова Сталин с нами

На этих жестяных своих портретах.
Спасибо, Родина, от выживших клевретов».

СТИХ 17

14-е января – Васильев день,
А перед ним ночь последняя Старого года.
Соседке-старухе, и было же им не лень,
Прикатили тракторные грабли под ворота уроды.
Бабушка глянула за окно: «Святы, святы…
Что за раскоряченная железяка?»
Ей и в голову не пришло, что ребята
Так пошутили вчера, однако.
Потом на тракторе приехал хозяин граблей,
Долго возился, пока зацепил их крюком,
Собирая на головы «трудолюбивых» чертей
Всю нечисть, которая водиться могла в округе.
А бабушка перед этим купила в сельпо конфет,
Обычай такой, колядовать перед Василием,
А тут «унучики» устроили кордебалет,
Спасибо, что бабку элементарно не изнасиловали.

СТИХ 18
ЛЕННОН И ХРИСТОС.

Джон Леннон – он сложен и прост,
Он понимает, говорил о чём:
«Когда-то жил парень – Иисус Христос,
Я всегда чувствовал его плечо.
Мы сейчас популярнее, чем они –
Сын Бога и его привратники.
Две тысячи лет минуло, и погасли огни,
Миллиарды людей сыграли в ящики…»
Посмотрим, где Леннон будет хотя бы через тысячу лет
И не обуяла ли его тогда гордыня.
Один нашёлся, взял пистолет,
И вот уже горячая кровь Леннона стынет,
И постепенно угасает память о нём,
А Христос – ничего, он за всех страдает.

«Дайте миру шанс», – просят они вдвоём,
Один громче, другой – тише, и кто знает,
Когда последний грянет гром.
Тогда ли, когда в Леннона разряжен был пистолет
Или когда копьё Лонгина Христа пронзило?
Ни того, ни другого с нами нет,
Зато есть и та, и другая сила.
Есть силы с нами, и есть соблазн
К чистой или к нечистой склоняться силе.
В том-то и высказывания Джона сарказм,
Что мы их обоих, если честно, забыли.

СТИХ 19

Своим проступкам всегда найдёшь оправдание,
Какое бы оно ни было высоким по шкале подлости,
И постараться избежать наказания
В данной, а также в любой другой области.
Человечество слабо в основной массе –
Героев немного на истории квадратном метре,
Но и тех зачастую гасят
Порывы непредсказуемого ветра.

СТИХ 20

Самая неблагодарная в кино роль у автомобилей,
Если мало разбито, до конца не осилит
И половина зрителей в кинозале,
Чертыхается и прочь валит.
Зато если авто разбивают пачками,
Вокруг, как во время морской качки:
Охи, вздохи, сумасшедшие крики,
Тут и амдерлоги, и заурядные фрики,
Хипстеры, скингёрлы и задроты –
Улюлюкают и ржут до икоты.
Тут и сталкеры, и девиантки,
Из соседней «кафешки» официантки,
Даже полицейский замаячил в проходе –
Наблюдается излишняя горячность в народе.

А зал раздирается: «Ещё давай!» –
Эмоции перехлёстываются через край.
И только в четвёртом ряду калека
(Он на «инвалидку» копил полвека),
И ему жаль лакированных монстров,
Он бы этим крикунам дал в морду,
Но вокруг только попкорн и «Кола»,
А он всё ещё копит, этот инвалид невесёлый,
И последним уходит по лёгкому морозцу
Из зала, тяжело ковыляя к «запорожцу».

СТИХ 21

Тридцатисемилетняя Лолита развратила
Тринадцатилетнего Гумберта –
История почти забытая,
Лучше бы она соблазнила композитора Шуберта,
Но для этого ей нужно было телепортироваться
Лет на 120 назад в Австрию.
Опять же Шуберт умер отнюдь не старым,
Тридцатиоднолетним парнем,
И вполне возможно, что игнорировал нашу Лолиту.
Карта оказалась бы бита.
А у нас, в Питере, казакам не даёт покоя
Лолитопредставление «Мозговое»
В питерском музее «Эрарта»,
Планировали – осенью, а могли бы – до марта,
Наконец актёр выдал монолог.
Нравственность устояла – не выдал Бог,
Окольными путями проехали к Набокову –
Зато в средневековье дорога широкая.
Перед этим бутылку с запиской в окно
Театра получили, мол, уймитесь, бесы.
Не поняли, тогда заодно
Организатору, Артёму Суслову, тумаков навешали.
Надо бы запретить и апулеевского «Золотого осла».
И «Декамерона», господина Боккаччо творение,
Указ издать от означенного числа:

Усилить за подобными классиками наблюдение
И нечего изображать на рожах недоумение!

СТИХ 22

Закрою глаза и… время другое,
Нынешнее отдал бы без боя.
Горячий песок под ногами босыми,
И все тебя окликают по имени,
Ещё ничего никому не должен,
Ещё складной метр на четверть сложен,
Которым измеряют ребячий рост,
Уже хитёр, но ещё прост,
И тебя достаточно легко расшифровывают,
Знаниями, как щуку кашей, нафаршировывают.
Открою глаза – другое время,
Окружающие словно из чужого племени,
Ёлочная игрушка дрожит, как слёзка,
И не раскатана та дорожка
От крыльца до щелястой калитки,
Небо суконное, а голубело из ситки.
Да, приходит время подводить итоги
И сложные слова разбивать на слоги,
А простые дела становятся многосложными,
Правдивые слухи – зачастую ложными.
И переосмысливая своё прошлое,
Убеждаешься, что дети сейчас дошлые,
А бывшие идеалы, к сожалению, пошлые,
И ты растерян, хотя уверен,
Что не всё так просто
И не всё было костным.
Но доказывать что-либо на своём примере
Бесполезно и глупо на самом деле.

СТИХ 23

Когда мы пишем о самом второстепенном факте,
Всё равно осознаём, что за ним страна
С тысячелетней историей,

И от этого описываемый предмет
Становится весомей и значительнее тем более.
Он фактом становится её культуры,
А не просто частицею фурнитуры,
Её взлётов и падений фактом,
Её существования непременным актом,
И если даже это предмет малоодушевлённый –
Человек в очереди или на остановке ждущий
Таких же, как и он, из самой гущи –
Всё равно это единички страны огромной…
И пусть она их некогда строила в колонны
И бредом глушила из рупоров зал колонных.
Они не вымерли, как динозавры некогда,
Были вечно просящими и было им вечно некогда.
Они Родине отдавали своей энергии частицы,
Но упорно продолжали к лучшей доле стремиться.
Их терпение переходило границы,
Их лица были как лимонные испитые кружочки,
Их судьбы изображались отточиями,
Мало что означавшими, между прочим.

СТИХ 24

Город Нью-Йорк – «Большое яблоко»,
Тогда Минусинск – маленькая ранетка,
А если «американца» сравнить с фабрикой,
То мой город – с подмастерьем двенадцатилетним.
Территория Манхэттена куплена у индейцев,
Тагарская землица у аборигенов отжата –
Казацкие дружины, хоть плачь, хоть смейся,
Гораздо бесшабашней покорителей Запада.
Поэтому в войнах нам хребет не сломали,
Хотя где яблоко и где ранетка,
Даже надкушенное – «Apple»,
А ранетка и целая неприметна.
Но минусинцы надеются, что однажды
На них вдохновение вдруг нахлынет
И они такие сработают «гаджеты»

В своей «силиконовой» долине,
Что все ранетки распухнут до размера яблок,
В гробах перевернутся все Джобы и Стивы,
А в «паутине» четвёртая дабл-ю
Прибавится, всем «айтишникам» на диво!

СТИХ 25

Человек прожил большей жизни часть,
Великодушно ему отпущенной Богом,
И разуверился, но чтоб в глазах не упасть
Своих же, стал молить у небес ещё немного.
Здесь ему ясно всё: дом, семья,
Жена, дети, внуки-шалопаи, конечно,
А там – неизвестно: «Куда, – мол, – я
Попаду, выйдя на остановке конечной?»
И стала раздваиваться сущность его:
Верить – кому и не верить – худо,
Может, в церковь сходить, только и всего,
Попросить прощения, надеясь на чудо?
Ходил, молился… Образа молчат,
Наверное, до Бога не доходят молитвы.
А дома, грешный, ругается на ребят –
Не жизнь, а сплошное поле битвы.
Сын говорит: «На Пасху, отец,
Заглянул из любопытства в окно боковое
Церквушки нашей, один молодец
Читает чего-то, и спарринг уются двое
В рясах, боксёры, на кулачках
Весело так разминаются, что ли,
А ты говоришь – у тебя грехи
И в неизвестность пока неохота.
Сам-то ладно, не смущай других,
Вон их сколько вокруг, задротов».

СТИХ 26

Деревья рубят – санитарные порубки,
Сверху колпаки из ткани, скоро юбки

Натянут, чтобы креативные тополя
Радовали глаз разнообразием белья.
Деревья рубят, высветлился город,
Последние деревья уничтожат скоро.
Мудрые решения принимают идиоты,
Каждый на своём фронте отвечает за что-то.
А летом – дожди, и город тонет –
Венеция на романтическом фоне.
Не предусмотрена ливневая канализация,
Зато чиновники прошли паспортизацию
На профпригодность блюсти быт масс,
А массы применяйте хоть кроль, хоть брасс,
Преодолевая препятствия городского пейзажа.
Может, кто скажет, что это лажа?
Да нет, в любое время живёшь в осаде
Непредвиденных ситуаций, как в зоосаде,
Когда ты один и открыты клетки,
А вокруг зубы, взрослые и детки
Так и норовят пообедать разиней,
А ты маленький, но если и верзила,
То всё равно хотелось бы равновесия и покоя,
А не ссылаться на времена застоя.

СТИХ 27
СТАРУХА.

Не всё сбылось и не всё удавалось,
Когда исподволь, когда с плеча рубя.
Израбатывалась, думала, что на старость,
А выходит, что обманывала саму себя.
Пережила всех и умирала в одиночестве,
А ведь вроде бы шла с другими вровень.
Кто теперь вспомнит её имя-отчество?
Старуха, брошенная как гнездо воронье.
А ведь любила когда-то и была любима,
Трудно поверить, но фотографий свидетельство
В альбомах, как надрезы или распилы
Вдоль жизни её и вдоль её Отечества,

Которое осталось где-то за бугром
Всего её зряшного существования.
Дом строила, стал ненужным дом,
Детей рожала – вышло на заклание,
И, умирая, жалела лишь об одном,
Что поздно пришло происходящего понимание.

СТИХ 28

Когда-то один рефлексирующий поэт
Написал о странных болях в сердце.
Я тогда полагал, что сердца нет
У меня, безбожника или иноверца.
Странно, почему все о нём говорят:
«Сердце ноет, предчувствует – тоже сердце…» –
И так жалоба к жалобе в ряд,
Угадывая тютелька к тютельке в терцию.
Потом появилось и у тебя самого
Это самое колотящееся создание,
То кошачьей лапкой, то сапога каблуком
Стучалось, обращая на себя внимание.
Вот и сложился из красивых фраз
Ещё один порок человеческий,
И, кажется, до конца жизни на этот раз
Внимание к себе обеспечивая.

СТИХ 29

Зачем возить шайбу, как раб – тачку,
Или ноги беречь, как от жены заначку,
Когда болельщики требуют забить гол,
Не важно, хоккей это или футбол.
У них в запасе петарды и пиво,
А у игроков – носы, как сливы.
Хоккеистам жарко, мёрзнут футболисты…
Вспомнишь Бобби Кларка, Стрельцова – Монте-Кристо,
А тут очередной футбольный Мессия
Наколотил столько, что сообща не под силу,
Правда, обиделись в африканском «Гондурасе»:

«У нас был игрок в таком же классе,
Но никто не считал его золотых фиг,
А уж он-то вкалывал за двоих
Или троих таких, как этот ваш Ме́сси.
Пускай свои бутсы на крюк повесит.
Да какая разница, пусть будет Месси́,
Мерси!»

СТИХ 30

Немецкий военнопленный, господин Бах,
В трофейных стёганых штанах
В Сибири послевоенной города возрождал,
Которые он косвенно до того разрушал;
Отвлекали деньги его имперские особы
На войну с русскими непомерно много.
Теперь пришла пора платить по счетам.
Господин Бах сдал не по летам,
Но всё-таки был благодарен судьбе,
Что спасла от бесноватого фюрера,
От смерти, болезней и мозолей при ходьбе.
Надеясь, что «майн Гот» ещё разрулит
И он увидит супругу, свою Гретхен,
И подросшего Фрица, и родную Баварию,
В душе сожалея, что стрелял метко
(Они ничего – эти русские парни),
И что, может, зачтётся ему работа
В этом городе полуострожном,
Где ребятишки пишут на заплотах
Слова, с китайскими иероглифами схожие.

СТИХ 31
ПРИБЫЛ НА КАНИКУЛЫ.

Ко Льву Толстому на каникулы
Прибыл суворовец-внук.
И, наверное, докладывает, что без мук
Прочёл «Севастопольские рассказы»,
А «Войну и мир» не одолел с первого раза.

Удивился Толстой: «Мой роман про войну и мир,
Да ты, часом ли, не дезертир?»
Художник Решетников правильно подметил нюанс,
Когда создавал этот бытовой романс
Во взаимоотношениях внука и деда.
Доживи Лев Николаевич до нашей Победы,
Наверное, более грандиозное создал полотно,
Госпожу Каренину сделав военврачом заодно
И бесшабашную Катюшу Маслову –
Подпольщицею бесстрашною,
А «Крейцерову сонату», с благословения Шостаковича,
Переделал бы в либретто к опере об Анне Семенович.

СТИХ 32
21 ЯНВАРЯ.

Сегодня самый депрессивный день в году.
В Англии так называемый «грустный понедельник»,
Когда и самый убойный аргумент не в ходу –
Мнение высокообразованных учёных-бездельников.
Им-то с какого бодуна грустить:
Синусы, косинусы, хайтеки, ипотеки,
Может, действием душу развеселить,
Говорят, где-то митингуют «гомосеки»?
Да на Руси этот день с давних пор
Отмечали как праздник изгнания праздников.
«Гомосеков» побили – пора притушить задор
Борцов за нравственность и невинных проказников.

СТИХ 33
ВЫСОЦКОМУ 75.

Мне не нужно правды о Высоцком,
Современной, с масками на лицах,
Хватит документального и того, киношного,
Где он ещё с нами и ещё живой.
А потом, когда гадают,
Кого он играет, кто его играет…
А вам нужна такая, додуманная и доигранная,

Правда о нём?
Когда в московской мэрии
Решают – какому проспекту
Дать имя барда,
Поэта ли, актёра,
Всесоюзного гастролёра
Или французского мушкетёра,
А может, его именем назвать новую столицу
И не пускать в неё
Так называемых друзей и поклонников,
Ещё живых, но уже покойников?
Они быстро бы заселили
Этот мифический город,
Где на таких, как Высоцкий, голод.
Они быстро бы развеселили
Собравшийся там сброд…
А Высоцкий сам по себе живёт.
Вот вроде бы наоборот,
Мы ушли – он пришёл,
Сел за стол
И налил вина
Сам себе. Не его вина,
Что волна,
И с каждым годом всё выше,
Уже напоминает цунами.
Высоцкий под нами,
Высоцкий в нас,
Высоцкий над нами.
Где он?
Только что вышел…

СТИХ 34

Это ещё у Пушкина памятник бегал за героем
И кричал: «Урою!»
А теперь это в порядке вещей,
Особенно, если герой – ничей
Или реклама от «Икеи»

(Против мебели ничего не имею),
Теперь модно министров срывать с якорей.
Под пересуды перезрелых старушек,
Выводящих рулады, а ты не слушай,
Тебе рано поддаваться на агитацию,
Лучше пойди с друзьями на акцию,
Защищающую голубей,
А ещё против догхантеров-ловкачей,
В них стреляющих из резинок на пальцах
Бумажными пульками крепкими
Или вышивающих на пяльцах
Салфетки с сюжетом «Посадил дед репку»
На три года за пререкание с бабкой и внучкой.
Дед, скорее всего, был судьёй
С неудачливою судьбой,
Вот и выдал сгоряча нахлобучку
Мало в чём нагрешившей репке,
Но для общей картины нужно
Наказать эту штучку крепко,
Отсидит, и прошу на ужин.
Тут и внучка с мордатым суженым,
Да и бабка поесть не прочь,
Хотя вредно (ведь скоро ночь),
Ситуация аварийная,
Впрочем, репа не калорийная.

СТИХ 35

Как наше общество расслоилось быстро,
Рассортировалось на правых и левых –
Все были детьми кухарок и машинистов,
Но вдруг – кровь голубая, а кость – белая.
Какого богатея ни тронь, родители –
Простые служащие от силы,
Теперь за Россию они радетели,
И каждый радеет на собственной вилле.
Как мы их любим и всё прощаем,
Вот опять разверзлись небеса:

С Днём Победы, да не 9-го мая,
А когда последний работяга вознесётся на небеса
И последний охранник будет принят в штат
Охраны с боевым патроном в стволе
Охранять оставшегося бесценный клад
Того, что природа накопила в земле.
Без нас выгребут, отсосут
И вынесут вон без нас,
Забыв, что когда-то существовал тут
Или здесь, но рабочий класс.

СТИХ 36
К ФИЛЬМУ «ПОЭЗИЯ».

Старость отделяет человека от людей,
Внезапно возникает стена
Между тобой и другими,
И ты возненавидишь своё имя,
Жизнь вся высветится до дна,
И, кроме как убежать в детство,
Тебе некуда деться,
И ты не понимаешь, в чём твоя вина?
Даже в голосе самых близких и родных людей
Проскальзывают нотки снисхождения,
И ты осознаёшь – у жизни твоей
И тех, кто молод, исчезают грани соприкосновения,
И ты начинаешь существовать как бы сам по себе,
А те, кто причастны к твоей судьбе,
Делают вид, что они вовсе не виноваты
В том, что были близки с тобой когда-то…
У них иной шеврон на рукаве,
И даже искры росы в траве
Другие, и за всё другая плата.
Пройдёт пора гроз,
Уйдёт пора вьюг,
И твои близкие, заходя на тот же круг,
Начинают встречать те же вехи и даты.

СТИХ 37

Архиепископ Лука,
Почему ты, вылечив своего сына – моего отца,
Не уберёг его от необдуманных поступков в жизни?
Конечно, отец, не мечтая о коммунизме,
Мог бы ещё пользу приносить Отчизне,
И я бы не числился безотцовщиной в классе,
Этим выделяясь в ребячьей массе.
Ну, хотя бы теперь, Святитель Лука,
Пошли мне свою благодать свысока…
Печально смотрит с софринской иконки
Старец, и я для него в сторонке,
Он понимает, и я понимаю это –
Поздно хватился, чтоб ждать ответа.
Не теряя надежды,
Целую его одежды,
Иссохшие руки его…
Неужели
Поможет софринская иконка мне
В самом деле?

СТИХ 38

Люди, звери, домашние животные –
Все летают, а птицы ходят по земле,
Задрав свои головы с куриными мозгами,
Как будто так и надо.
Вон мужик пролетел, из соседней деревни догхантер,
Собакам и там нет спасения,
Вон ещё модно одетый хипстер,
А дальше – юзер с навороченным ноутбуком под мышкой,
Навроде книжки.
Два хеллбоя – два мальчика из ада,
А вон стая слонов – клином, верней, стадом,
Как они к нам из Африки залетели,
Перелётные эти слоны,
Среди хаотической тишины?
Вон лисица юркнула,

Галопом промчался заяц,
С палочками и чашкой риса – китаец,
Даже из-за облака, на индивидуальном воздушном шаре,
Индийская принцесса в сари.
Трое взмыленных папарацци
И совсем уже офигенная – конная авиация.
У птиц всех мастей голова кругом
От переселения из оттуда – сюда,
Зады у них стали голыми,
Как при очень активной линьке,
А в небе уже не хватает синьки.
Посмотрел Господь – суета, однако,
Крылья отрастила себе собака…
И поставил всё с головы на но́ги –
Полетели журавли, а лошади потрусили по дороге.
Опять порядок воцарился в мире.
На минутку отвлекись, и всё как в тире,
Вращаются бессистемно всякие фигуры:
Голова – ноги, голова – ноги –
Тоже мне урок физкультуры.

СТИХ 39
УДАРЫ СУДЬБЫ.

Удары следуют один за другим,
Удары по тем, кто любил
Или был любим.
Все мечты развеяны в дым,
Все надежды развеяны в прах.
Удары достаются – одним в голову,
А другим в пах.
И не желает смилостивиться судьба,
Не желая разогнать страх,
Как говорится – дело труба,
Или чуть витиеватее – дело швах!
И сначала объявляется шах,
А уже потом – мат
С улыбкою на губах.

Пойди-ка, разберись, кто виноват,
Кто плачет,
А кто даже рад.
К ударам судьбы нужно привыкать,
Особенно, если ты невезучей Чичикова,
А то защищать тебя не перезащищать,
Как Химкинский лес Евгении Чириковой.

СТИХ 40
ЗАРИСОВКА.

Синицы снуют у замысловатой кормушки,
До кусочка сала доберутся пока,
Вот если бы висела здесь кролика тушка
Или даже туша быка.
Милые создания, зима длинная,
Тем более война за прокорм с дятлами,
А внизу три кота расселись чинно,
На пушистом снегу пушистые пятна.
Мороз под тридцать, люди непунктуальны и скупы,
А кушать на морозе постоянно хочется,
Зачем-то принесли крошек и крупы,
А синицы и дятлы плотоядные, между прочим.

СТИХ 41

Эта женщина удивительно красивой наружности
(Случаются же дела),
Удивляет красота своей ненужностью –
Не ко времени мама её для страны родила.
Да и место – окраина дикой империи –
Не вписывается в наш захудалый быт,
Чтобы оценить без излишней на то фанаберии
По достоинству и без лишних обид.
Жизнь в насмешку покажет такую фигу,
Что за всех отсмеётся и даже отплачет сполна, –
Третий год эта женщина замужем за прощелыгой,
И троих огольцов нарожала ему она.

СТИХ 42
СНЫ ПИДОРКИНА.

Сон 1

Ему приснилась женщина с плавниками,
Правда, совсем не русалка,
Красивая, с руками, с ногами,
А плавники отрывать жалко,
Да и как это сделаешь, если во сне?
Ему за женщину неловко шибко,
И он решил: «Плавники на спине,
Значит, просто эволюции ошибка.
Плавники – ничего, вот если кровь
У неё зелёная или голубая,
Тогда покрепче аргумент готовь,
Не дай Бог, научный мир узнает,
Мигом затаскают по этажам
Различных заумных лабораторий,
Не вылезешь из тапочек и пижам,
Анализами замучают до крематория,
Хотя всё-таки при чём здесь он,
Человек в масштабах страны ничтожный,
И как ни крути, а это сон,
Но и со снами надо быть осторожней.
Принятие самых строгих мер
К тебе необходимо, гражданин хороший,
А то приснится, что ты революционер,
Тогда доказывай, что не лошадь.

Сон 2

Над парком Горького в Красноярске
Барражирует облегчённая скульптура вождя,
А тому не холодно и не жарко,
Главное – не привлекать внимание грозы и дождя.
Декабрь, внизу минус тридцать или сорок,
В сторонке незамерзающий Енисей парит,
А тут ещё один внеплановый морок,

И совсем внеплановый получается вид.
Из метро же красноярского народ валит
(С края города на край за тридцать минут),
И пар над горожанами хоть парúт, хоть пáрит,
Никого не пугает ни там, ни тут.
И даже крайком, что похож на Бастилию,
Взлететь готовится, но что за беда,
Вот если б в небо поднялась эскадрилья
Городских монументов – вот это да!
Впечатлило бы не только записных ораторов,
Вооружённых биноклями, очками и пенсне,
Но и Самогó, глазастого губернатора,
Впрочем, чего только ни привидится во сне.

Сон 3

Абаканский околомавровский бык
Не к добру притих, псих.
Станешь психом, когда
Каждый норовит двинуть под бока.
Поддеть бы на рога этих любителей антрекотов,
Да неохота сегодня что-то.
И тогда быку пришла идея,
Хотя он против женщин ничего не имеет,
Не похитить ли, к примеру, минусинскую Европу,
Дочь их запроточного царя,
Но по обоюдному соглашению – никак нельзя.
Да и Гера, жена Зевса, сиречь быка,
Сразу бы взяла его за рога.
И вот бык переплыл Енисей
И направился трусцою к пассии своей,
Но в Минусе, как на грех, не только Европы скульптурной,
А и вообще отсутствие фигуры женской, цензурной.
Есть Щетинкин, Кретов, Сургуладзе – воины,
Не походя чести такой удостоены.
Побегал Зевс по старому городу,
Был бы бородат, матюгнулся бы в бороду,
И назад потрусил к воротам мясокомбинатским

Бифштексами кормить горожан по-братски,
А муляж свой оставил у маврских ворот –
Ни один зевака мимо не пройдёт.
Удивится, поинтересовавшись не зря:
«Бык есть, а где же дочь финикийского царя?»
Старожилы недоумённо пожмут плечами:
«Да мы толком не знаем сами,
Сколько лет без Европы стоит этот бык,
И народ к этому давно привык», –
Оценивая царственную красу
Кандидата на чайную колбасу,
А слишком привередливую Европу
Горожане бессовестно посылают в …

Сон 4

Сказала Лия Ахеджакова,
Что сейчас штампуют законы
Со скоростью размножения кроликов.
Вот бы где смеяться до колик,
Но не смешно, препоны людям выходят боком,
Кого протыкают, как спицы,
И хочется сходу вцепиться
В наливающегося верноподданнической страстью
К многоэтажной власти.
Это так и не так:
Вижу сон, что пришёл с работы,
А у меня на диване разлёгся вождь,
Вот спросить бы с него по большому счёту,
Но, в коленках чувствуя дрожь…
Так засуетился, так заюлил,
«Плазму» с тумбочки едва не свалил.
«Товарищ Сталин, мягко ли вам, тепло?
Вы «Первый канал» смотреть не устали,
Может, переключиться время пришло
На телеканал «Звезда» или «Дождь»,
Вас от нашей жизни не бросает в дрожь?»
Кто-нибудь скажет: «Сон по Фрейду».

А я подумал, что в точку прямо!
Сталин в квартире – будет покруче рейдера,
Среди катеров и прочего маломерного хлама.
Как принято говорить – проснулся в поту.
Глянул на телевизор – программу не ту
Включил и, убаюканный ею, заснул.
Ладно хоть Сталин, а не Вельзевул.
Нет, положительно расшатались скрепы,
Если прокололся я так нелепо.

Сон 5

Сон пятый – не хуже, чем предыдущих четыре,
У меня сходка на конспиративной квартире,
И вопрос решается неудобоваримый прямо,
Как половчей разместить рекламу
С нашими идеями преобразования мира,
Может, просто продать квартиру
И на эти деньги… а как же сходки,
Где их проводить регулярно и чётко?
А тут ещё приехали коммунальщики не к месту:
«Выбирай, что лучше, газ или невеста?
Если газ, то там, на пути, корова
Стоит и по-нашему не понимает ни слова,
А если обходить несговорчивое животное,
Так на это у вас не хватит водки.
Может, лучше невесту, есть у нас оператор –
Дуся, девочкой была когда-то,
А теперь женщина неописуемой красоты…»
Ясно, провокаторы, а мы разинули рты,
Сейчас насобирают побольше компромата
Да и пошлют нас, непременно матом.
Тогда я подал команду: «Братцы,
Немедленно всем ретироваться,
Нас не так много, чтобы рисковать всем,
А такие флэшмобы – отклонение от тем,
А эти хеллбои-газовики
После вам же не подадут руки,

И корову-кормилицу тоже жалко,
Вот в Индии, к примеру, её не бьют палкой,
А ласково кусочком хлеба сманивают с пути,
Но нам с такими интеллигентами не по пути.
Просыпаться время, а неохота,
Уж очень тема задела за что-то,
Опять же обстановка весьма винтажная
И познавательная речь многоэтажная
Приезжавших газовиков-работяг,
В руки им флаг!

Сон 6

«За честные выборы Деда Мороза и Снегурки!»
А Новый год в мае
И демонстрации теперь по теплу.
Караван идёт, а собаки лают
И, кажется, на кого-то возводят хулу.
Народ не выдержал такого поносу:
«До каких пор прикажете нам терпеть
Эту худосочную и красноносого,
Замёрзли в мае – спиртом растереть!
А ещё законно вытребовать возвращения
Летнего времени, по которому жили зимой,
И для лучшего подчинения
Электрошокеры из ножен долой!..»
Приснится же такое – стреляющие шокеры,
127 тысяч вольт.
Это вам не игра с полицией в покер,
А едва ли не убойный ковбойский культ.
Особенно если сердчишко не бычье…
Проснулся, покачиваю головой.
Что поделаешь – сила привычки,
Так что выше голову, говорю, ковбой!

СТИХ 43

Осенью легко пишется об осени,
Зимой – о зиме.
О друзьях легче, когда вокруг враги,
О кроссовках, когда кирзовые сапоги
На тебе и на мне
Устремляются навстречу весне.
Военные желали бы всех – от мала до велика –
Загнать на военную службу,
Учителя, что всех обучать нужно,
А врачи – больные подождут пока,
Хотя с этими лекарями
Не согласны аптекари,
Если граждане дадут дуба
(Но это если выражаться грубо),
Кто будет покупать кислородные подушки,
Может, Тургенев или Пушкин?
Скорей бы заканчивалась зима.
Вдоль улицы – дома,
Из труб – дымы.
Хорошо быть молодым,
Когда на мороз ноль внимания.
Парни девушкам назначают свидания,
А те уже в хлам и дым,
Нелегко быть молодым.
Вот и пенсии государство не платит им –
Менять наряды на какие шиши,
В милые объятия падая,
Соглашаться, что и «милые» хороши,
Зимней не замечая радуги.

СТИХ 44
ОКОЛО РЕКЛАМЫ МЕХОВ.

Норки из шуб,
Лисы из шуб,
Даже бобры из шуб.
Если ты скуп,
Если ты глуп,
Если ты даже труп?
К чему тебе шёпот губ
Или вой в альтовой трубе,
И даже овчинный тулуп
Лишь обуза тебе.
Меховых изделий –
Пруди пруд,
Ещё бы деньжат в самом деле.
Не страшен тогда
Любой флуд
И даже блохи
От мехов на теле.

СТИХ 45

Из моих стихов исчезла работа,
То, чем занимался всю жизнь,
Зарабатывая на своё бренное существование:
Вёл жизнь творца или ро́бота?
Подумать только, прошло полвека,
И нечего вставить в повествование –
Пустота, в ней работа была или не была?
Из моих стихов исчезла работа,
А она там была?
Были бесконечные осенние леса,
Решето – полное звёзд,
Птиц и рек голоса
И зимы медоточивый ворс,
А потом хлынули потоком:
Хипстеры, фрики, хеллбои,
Мобберы, юзеры, бонвианы,

Джедаи, диджеи, задроты, –
Только где же моя работа?
Только где же моя мечта?
Болваны,
Ковбои,
Изоки,
Где ты, мой Христос?
Чёрная икра, красная полоса –
Древних секвой смола,
Готы и вестготы.
Хочется крикнуть: «Я не быдло!»
Где мой пятый угол стола,
Кем самурай мой вспорот?
И снова, в какой раз, на бис:
Жизнь
Ро́бота!
Из жизни пропала работа
Или задолго до этого из работы – жизнь?

СТИХ 46

Когда-то я предал тебя,
Хватился и прошу: «Прости».
Прошу по привычке,
Прошу, всё ещё любя.
Не знаю, к месту или не к месту:
«Прости, отпусти…»
Не прощаешь
И не отпускаешь.
Запиши в актив кутежи,
Пригрози, убеди, накажи.
В голове снуют, как стрижи,
Мысли острые, мысли-ножи.
«Развяжи, – прошу, – отвяжи,
Снова в памяти освежи
Все слова мои
И твои
Про безделье и про работу.

Обещаний чужих слои,
Как стригучие лишаи,
Как предупреждающие буи,
Да и без них никуда неохота».

СТИХ 47

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда…»
Поэт не так писал тогда:
«Властитель сильный, прямодушный,
Кудрявый, грубый, друг труда,
Болтал он мало – больше слушал,
Карал при помощи суда,
Где судьи тоже неподкупны,
Как на подбор они честны
И, уточню, великодушны,
Народа слуги и страны…»
Но гений Пушкина был светел,
С кудрявой лёгкой головой,
И брата царского отметил,
И согласился быть слугой,
Когда бы не на Чёрной речке
Дуэль, то стал бы наш герой
Придворным камер-баснописцем…
И нам от сталинской опоки
Остались бы другие строки,
С другой жены и няни слитки
И благодарные отчитки
По благородным, светлым датам,
Давно случившимся когда-то.

СТИХ 48
В. Балашову.

Мой друг пишет полумистический роман,
Заручившись министерским грантом,
Он, конечно, не Бог весть какой интриган,
Похожий на футуриста с жёлтым бантом.

Он факты переосмысливает слегка,
И они плывут, как над рекой облака,
А по Енисею сплавляется плот
С золотым запасом и чекистом-комиссаром,
И куда сюжет этот плот заведёт,
Мой друг излагает с известным жаром.
И правильно, что ему дают грант
На издание полезного экскурса в историю.
Только завистники вокруг кричат: «Симулянт,
Развёл кумовство с министром!»
И требуют покрепче затянуть бант
На шее у местного летописца.

СТИХ 49
ВИЗИТ В МЕТРО.

Лондонское метро только на два года
Моложе нашей отмены крепостного права.
Английских работяг пожирала лава
Шахт подземных, когда нашему народу
Даровала свободу российская держава.
А их парламент был ключом государства,
Когда мы благословляли князей на царство.
«Конечно, – скажите вы, – ордынские ханы
Нас подкузьмили в этом деле немножко,
А то бы и с крепостным правом
Мы проложили бы под Москвой дорожку».
Ещё при Сталине «вредители – шпионы»
Планировали под землёй дорыться до Лондона,
Да благо чекисты жёсткие препоны
Ставили доморощенным джеймсам бондам.
Вот и нынешние наши яшины-каспаровы
Должны привлекаться для строительства туннелей.
Главное – энергия потратится не даром
И не пригодятся им походные шинели.
Но вернёмся в Лондон, на «Кинг-Кросс» платформу,
Принцесса с принцем Чарльзом, считай политбюро,
В честь 150-летия подземки для проформы
Посетить отважились английское метро.

СТИХ 50

Всё-таки зря говорят, что у нас зависимые суды
И они судят по указке «сверху»,
Это всё равно что смотреть через скол слюды
Или через события всех этих амфор и стерхов.
Отцов нации когда спрашивают о «Пусси Райт»,
Они отвечают, что суд разберётся,
А после единодушно восклицают: «Ол райт!
Неправ тот, кто в колодец плюётся,
Но сколько можно на самом деле,
Им дали незаслуженно много,
И, вообще, они своё отсидели,
Пора выпускать из острога
(А девушки продолжают сидеть).
Суды у нас независимы, УИН – тоже,
И довольно песенки про агентов влияния петь,
На чиновников это всё-таки не похоже…»

СТИХ 51

И всё-таки ловок – этот Владимир Познер,
Он «Первому каналу» подстроил козни,
Высказал в своей «ТВ-прощалке»
Недоверие судьям, их правосудной палке,
Опускающейся на повинные и невинные головы.
За это идеологически правильный депутат
Потребовал Познера из эфира гнать
И вообще непозитивные телепередачи
Заменить сельскохозяйственными, и не иначе,
А все чудеса нанотехнологий
Пропускать через решёта цензуры строгой,
Вплоть до согласования с самим Господом Богом.
А потом вообще на Познера жаловались,
Вкупе с Доренко и Сванидзе,
Вот прежде, при глухом социализме,
Не поддавались искушения малостям
И вполне были довольны жизнью.
Так этот Познер оговорился позже,

Он Ея Величество Думу назвал дурой.
Это же надо такое придумать
Про Государственную Думу,
Но слово – не воробей, вылетело, зараза!
Теперь жди нового указа.
А пока суть да дело,
Другая журналистка так же влетела.

СТИХ 52

Депутат проверил содержание подследственных на ИВС,
И ему показали камеру весьма пустую,
Лучше бы ему показали штабную комнату ВВС
Или буянящую женщину бухую,
И то можно больше получить информации
О том объекте, который ты наблюдаешь,
Понятней стало бы, о чём писать в апелляции,
Чем заниматься казуистикой и мастурбацией
И биться мотыльком о стекло.
Из стен камеры заключения выходят
Люди с «мойками» у лица,
Со скрученными полотенцами на шеях,
И от каждого шёпотом произнесённого словца
Веет безысходностью такой, что и сказать не смею.
И кровь на оштукатуренной шлаком стене,
На которой надписи не оставишь,
Не продашь и не поздравишь,
Себя не обозначишь никак.
Но комнаты эти, где мерзость полная,
Набегает на тебя, как набегают волны
В каком-то перформансе фантасмагоричном,
Весьма эклектичном.
Посмотрел депутат на пустую камеру,
И «мурашки» побежали у него по коже.
Подумал, что вполне когда-нибудь… тоже.

СТИХ 53
МЕТКИ.

Семья, насилие, медицина, долги,
Наркотики, похудение, криминал, мозги,
Инвалиды, пенсионеры, музыка, мода,
Москва, насилие, скандалы, роды,
Пожары, памятники, самоубийства, бомжи,
Разводы, хулиганство, полиция, стеллажи,
Религия, учителя, Самохина, Новый год,
Опека, образование, хоккей, развод,
Соседи, атом, игорный бизнес, ДТП,
Алкоголизм, секты, целители (да не те),
ТСЖ, недвижимость, цирк, цыгане,
Нападения, пластика (запись заранее),
Благотворительность, жильё, животные,
Поклонники, конфликты, лекарства рвотные…
И так можно до скончания мира,
А ещё есть родители, дети, квартиры,
Подростки, тарифы, сексменьшинства, актёры,
Живые, но есть и тот, умер который…
Бесконечный ряд бесконечного времяпровождения:
Нажимаем на метку «Табакокурение»,
О, Господи, опять по московскому времени.
Тогда нажимаем на «Предсказания» –
Гадают по Луне (опять гадание) –
Сильнейшая из предсказательниц нового времени,
Своя, заметьте, а не из африканского племени.
На картинке справа то Градский, то Билан,
То ещё какой-то, по виду – пацан,
Агутин, но без Варум, почему,
Не знаю, он мне ни сват ни кум…
И так до бесконечности по «Первому каналу»,
Скоро Интернета нам будет мало…

СТИХ 54

Дресс-код – это кодекс одежды,
А если утеряны все надежды
У бомжа, к примеру,
Или у разорившегося миллионера,
Да и у пенсионера?
Потрёпанного вида пальтишко –
Это уже роскошно слишком,
А так, что в дыру видна пипишка,
Того… умишком?
Дресс-код есть дресс-код,
И никто в сторону не увильнёт,
Особенно служащие банков и ресторанов,
Хоть поздно вечером, хоть утром рано,
Форму поддерживает дресс-код,
А не какой-нибудь на этикетке кот.
Коту или крокодилу тоже в кайф доверять,
Всё-таки это бренд
Даже и в уикенд.

СТИХ 55
СНЯТО С ЛЕНТЫ НОВОСТЕЙ.

Сообщение 1

Новый способ осуждать «виновных»
Избрал амурский судья Махно,
Заодно и способ получения своих «кровных»
Совсем бескровно, прочно и давно.
Нужно крепко уснуть во время процесса,
Так чтоб качало во время сна,
А потом по наитию, и не только по этому,
Выспавшись, выписать фигуранту сполна.
Так на днях, осуждая виновного
(Он увидел такое во сне),
И осудил по статье уголовной
За мошенничество на пять лет вполне.
А то этот же «малец» поигрывал на «айфоне»

Во время жарких, затяжных дебатов
Господ прокурора и адвоката.
И что, это же вам не Аль Капоне
И даже не товарищ Вышинский, ребята.
А то, что судья любит заняться «пихой» –
Процесс караваном себе идёт,
И если «смотрящий» заиграется лихо,
Всё едино получит своё, идиот.
Заканчиваю о носителе редкой фамилии
(Не родственник ли тому анархисту он?),
Который тоже был склонен к насилию,
Миролюбивый, как в посудной лавке слон.
Не верится, что некоторые заранее знают,
Сколько тому или другому давать,
Причём всё равно – в январе или мае,
И чего от экстрасенсов таких ожидать.

Сообщение 2

4 октября, сразу после дня рождения Сергея Есенина,
У радиоведущих «Маяка» было игривое настроение,
И они, ведя программу «Болячки»,
Выбрали повод ёрничать до белой горячки
Над детьми, больными муковисцидозом.
Почему шутили «Болячек» радиоведущие
Над инвалидами здоровья малоимущими,
Срок жизни у которых не более 30 лет,
Совести у них, может, нет
Или ума?
Удивлена страна, вот вам на…
Алексей и Виктория,
Откуда такая история?
Конечно, их поспешили уволить,
Особенно Весёлкина
(Девушку пожалели, что ли?).
Но решили – деньги со всех сотрудников
За один рабочий день на бочку,
И точка!

Не в пользу МОПРа, а в пользу этих детей,
И притом – галопом!
А сотрудники не хотят за грехи чужие:
«Нефиг было вякать на всю Россию,
Сами ржали, пусть и расплачиваются сами,
Особенно Весёлкин – он с усами…»

Сообщение 3
Находка останков Ричарда III.

Под автостоянкой, где пропитана гарью земля,
Англичане раскопали могилу своего короля,
Последнего из Плантагенетов…
Ну, как не сказать им спасибо за это.
Вот вроде не наш и далёк от нынешних королей,
А всё равно подчиняются зову своих кровей.
ДНК взяли в носителе 17-го колена,
Майке Ибсене – лондонском джентльмене,
Потомком родной сестры последнего из Йорков –
Это вам не фунт изюму или кило махорки.
А здесь ну хоть кто-нибудь взялся бы из долбаков…
Род наш затерялся в глубине веков,
А ведь тоже, поди, предки князьями были,
Кости давно уже в безвестности сгнили.
Род Рюриковичей тоже существует на планете,
Мы их знать не желаем, сукины дети.
Пусть князья Козловские лишь Смоленские
И не устраивали войны вселенской,
Подобной между Алой и Белой розами,
Не отрывали крестьян от земли и навоза,
Да и Шекспира им русского явно не хватало,
Чтобы возвеличить княжеское начало.
А скелет Ричарда III, большого вельможи,
Полёживает в могиле, не по-рыцарски съёжившись,
Мир же взбаламученный на ушах стоит
И заносит в гиннессовский кондуит.

Сообщение 4

Нешуточные баталии разразились в шведском Риксдаге,
Ну, это почти как в Рейхстаге.
Главком всех их военных сил
Выступил, будто кол осиновый вбил,
Наверное, припомнил бедняга сражение под Полтавой,
Россия тогда отличилась на славу,
А здесь: «Да она может нас захватить за неделю, –
Пробормотал генерал Йорансон еле-еле
Губами синими от конфузии, –
Ведь хватило ей недели, чтоб наказать Грузию.
Выводы нам делать надо
И вступать немедля в ряды НАТО,
Нельзя же быть немного беременной
И, не вступая в альянс, быть ему бременем.
Кто за нас, «не членов», будет заступаться,
Ответьте, если вы такие умные, братцы?»
И вздрогнул шведский Риксдаг,
Наверное, вспомнил и Петра, и в 45-м Рейхстаг,
Да и граждане Швеции, страны нейтральной,
Начинают в пользу НАТО взгляды менять аврально.

Сообщение 5

То, что город Глазов в Удмуртии, – это медицинский факт,
А то, что в нём снесли памятник водке, туши свет, антракт.
Как прикажете поступать с 3-метровой бутылкой,
Может, её спиртом здешнего водочного завода наполнять
Или рыбу, как в аквариум, запускать?
Нет уж, хватит, 13 лет стояла эта соблазнительная орясина,
Немало водки глазовчане под ней поквасили,
И молодожёны приезжали на память фотографироваться,
Пора, любимица трудового народа, перепрофилироваться.
Но директор ликёроводочного заведения
Закатил этот памятник под окна своего 100-летнего учреждения.
А вот глава города, господин Коземаслов,
Заметил, что дела противоалкогольные идут как по маслу
И директора людей спаивающего завода

Обяжем разбить бутыль или сбросить в воду.
Нечего смущать наших горожан,
Бутылка водки – это вам не баклажан.
Это какая страсть, бутылка простояла столько лет,
Так возле неё даже закуски нет.
При Горбачёве вырубали виноградники элитных сортов,
А потом говорили, что указ бестолков.
И сейчас наступаем на те же грабли
Или впрямь духовные скрепы ослабли?
Губернатор в это время в отпуске пребывает,
Может, он и, правда, водку не употребляет?

Сообщение 6

Один беспечный обеспеченный англичанин,
Путешествуя по экзотической Австралии
И незнакомый с местной аномалией,
Оставшись с фауной один на один,
Вылез из машины поснимать пейзажи
И сразу же нарвался на попугая-проказу.
Тот через окно влетел в пустую машину,
Хапнул 600 фунтов стерлингов, и лови скотину,
Не помогли запоздалые охи и вздохи,
Попугаи австралийские – ещё те пройдохи.
Даже полицейские сомневаются крепко –
Пропали деньги, и ни одной зацепки.
Может, птицу подучили аборигены,
А возможно, у попугая дурные гены?
Хотя воришка прошёл не сквозь стену,
Стёкла поднимать нужно непременно
И не устраивать лишнюю вентиляцию,
Ты же в саванне, а не у Вестминстерского аббатства.
А если бы лев пробегал мимо?
Вполне мог пообедать самим пилигримом.

Сообщение 7

На похоронах Александра Долматова
Появление Сергея Удальцова – дело десятое.

«Нацбол» свёл счёты с жизнью в Голландии
После того, как тамошние власти не дали гарантии
Ему, конструктору некогда закрытого «ящика»,
Что после выдачи в России не избежать тому «Кащенки»,
Это ещё в лучшем случае
Для этого парня невезучего.
И вот после того, как Удальцов положил цветы у гроба,
К нему подошли двое и чуть не хором оба:
«А вот я тебе попиарю!»
И съездили координатору пару раз по харе.
Наверное, искры посыпались из глаз у Серёжи,
Хотя он тут же вцепился обидчикам в рожи.
Такая наблюдалась изящная картина,
Но полиция забирала строго по чину
Всё тех же «лимоновцев», теперь в кутузке маются,
Похоронили товарища – называется.

Сообщение 8

Лавры Герострата вандалам не дают покоя,
Не одно, так другое что-нибудь да устроят:
В городе Лансе женщина пришла в Лувра филиал,
И тут в ней словно бы бес взыграл –
Выхватила маркер и на полотне Делакруа Эжена
«Свобода на баррикадах», и только на нём непременно,
Изобразила не то шифр, не то число
(Эко её возле полуголой дамы одетую развезло).
Твердят музейщикам: «Прячьте шедевры за стекло!»
Так нет же, даже в топлес не прячут, как назло.
Теперь будут «художницу» тягать по психушкам
Или просто «ушатают» втихушку
До полного изнеможения из ИВС в СИЗО –
Не будет шкодничать людям культурным назло.
Один такой мастер начеркал на полотне Ротко
И потом объяснил полицейским кротко,
Что этим самым он повысил стоимость картины –
Шум поднялся, и она стала дороже вполовину.
Трижды покушались вандалы на «Ночной дозор»,

С ножом ли, с кислотою, не считая за позор,
А вот согласился бы Рембрандт с этим
Или только руками всплеснул: «Сукины дети!»
А уж сколько раз отпиливали русалочке голову,
Может, потому, что на камне сидит она голая?
Вандалов ловили и наказывали примерно,
Но больше всех повезло «аглицкому» пионеру
За то, что на картину Франкенталер прилепил жвачку,
Запретили в школе неделю решать задачки.
Наши бы ученики, узнав о таком наказании,
Жуя, в музеи двинулись целой гоп-компанией.
Не соскучишься с такими балбесами,
В головах с разрушительными абсцессами.

Сообщение 9

Приглашают на выставку в Гостинном дворе
Москвичей поглазеть на якутские бриллианты,
На мамонтов, хоть и мумии, но в самой поре,
А ещё полюбоваться на самобытные таланты.
Священное дерево Аал Лук Мас –
Будет хедлайнером выставочной программы,
Да и от пушнины не отвести глаз,
А строганина – деликатесы на килограммы.
Российский космонавт, приподнимая ус,
Покажет, как в космосе, на крутой орбите,
Он на музыкальном инструменте хомус
Исполнял гимн северной Нефертите.
И во храме Христа Спасителя
Отслужат на якутском языке
Божественную литургию,
А также увидите чудеса другие –
Чего ни сделаешь ради величия России.

Сообщение 10

О том, как чудят наши старушки,
Можно сколько угодно слушать.
Одну бабку наказали примерно,

Проникала без спросу в чужие дома
И выполняла уборку в квартирах усердно,
Решая сей вопрос за хозяев сама.
Наказали, неймётся пожилой чистюле,
Мало того – получила срок
Условно за то, что чужие кастрюли
Мыла без спросу, может, будет урок?
Так нет же, за старое, звонят в полицию:
«Бабка с лопатой лопатит снег…»
Те приехали, удивлённые лица –
Чужую дорожку чистит человек.
А в Кемеровской области, в городе Берёзове,
Две бабушки улеглись в снегу на морозе.
Люди позвонили, «скорую» вызвали,
Медики к полиции, может, криминал?
Приехали полицейские по странному вызову,
Точно, навзничь лежат наповал:
Руки раскинули, правда, в перчатках,
И хлопают по снегу, оставляя следы.
Поднимутся, а где лежали – бабочек отпечатки,
Это надо же додуматься до такой ерунды.
Стражи порядка посоветовали прохожим,
Тем, кто жаждал получить ответ,
Впредь не в «Скорую», а в психушку, похоже,
Обеих надо на старости лет.
P.S. Вот уж действительно неисповедимы
Пути Господние, что за границею, что у нас,
Вроде бы старушки – почти херувимы,
А вот поди-ка, показывают класс.

Сообщение 11

Посмотрите, до чего пишущая братия обнаглела,
Сама носится с замужеством Собчак направо и налево
И сама этому событию объявляет импичмент,
Призывая не замечать выходки дамы эксцентричной.
Пора свой дом заводить вместо «Дома – 2»,
А то не заметишь, как стукнет сорок два,

И тогда не то что Максим Виторган,
Плюгавый блогер не пожелает заводить роман,
Пусть хоть трижды у девы палата ума
И каждого собеседника просвечивает до дна,
Взывая с Болотной,
С «Дождя» вещая, где она «живьём»
Выясняет подноготную не катаньем, так мытьём.
Да и Виторган, ещё тот Собчак,
Не может выйти из образа никак,
Сыграв прошлым летом в фильме «Мебиус» Собчака,
Теперь отплясывает вокруг Ксении гопака,
И вообще, к такой бабушке Прохоровых и Яшиных…
«Она была наша, – рече первая жена Виторгана, –
И будет наша, а не этих, с площади хулиганов».
С новым счастьем, Ксюша Виторган,
Зарождается новый клан.

Сообщение 12

В американском штате Техас
Невиновный после тридцати лет отсидки
Вышел на свободу, посуди навскидку,
Ему 58, больше половины жизни за решёткой,
А выходит, что не он убивал тётку,
За смерть которой ему дали 99 лет,
Нашёл концы адвокат-буквоед.
А представьте, наши не против смертной казни,
Один такой высопоставленный указник
Заявил: «Это я как человек, а не как министр,
За смертную казнь, схватил и по-быстрому
К стенке, не попадайся под горячую руку,
И пожалуйста, зэку не терпеть тридцатилетнюю муку.
Вот это я понимаю – гуманно, а то пожизненно его корми,
Получается странно,
Так ведь ещё надзиратели там, охрана…»
«Правильно, – кричат с кушеток и диванов. –
Подумаешь, ошиблись на одного лоха,
Зато другим очень даже неплохо!»

И совсем небольшая кроха
Голоском писклявеньким:
«Расстреляй его, дяденька».

Сообщение 13

В России впервые за 500 лет ввели для цыган
Фундаментальный развития план.
А то живут они отнюдь не культурно,
Отсюда ворожба, спекуляция, а то и… подумать дурно,
Торговля наркотой развивается бурно.
А так как цыган цыгану впаривать не привык,
Забывается у «роменов» родной язык.
В их посёлках нет ни воды, ни газа,
Ни электричества, свирепствует полиция и зараза…
Короче, куда ни глянь – сплошные беспорядки,
А примем план – заживут цыгане в достатке.
Чиновники на радостях по рюмочке раздавили –
Им первым участвовать в очередном «распиле».

Сообщение 14

В последнее время замечено выпадение кислотных дождей,
Но преимущественно в Москве, а не в России всей:
То плеснули в лицо балетмейстеру Большого – Сергею Филину,
То в Хорошево-Мневниках председателя ТСЖ облили,
А то отвязавшаяся 71-летняя бабка
Плеснула уксусом в лицо служащей банка.
Мол, пусть не обсчитывает старушку, зараза,
Тогда и кислотой не обольют ни разу.
С бабусей ясно – в сумасшедший дом,
А вот что делать с теми, кто до этого и потом?
Это вам не вылавливать оппозиционеров,
Не ловить настоящих преступников…
Налицо дурные примеры –
Активизировались кислотные дожди косые,
Хотя, говорят, что не только над Россией.

Сообщение 15

Вот и мы начинаем жить в долг,
Несмотря на все уверения премьера.
Это для нас как авангардная премьера,
Только в чём авангард, не возьму в толк.
В России бюджетников 33 процента,
В США – 17, и то стонут под бременем расходов.
А сколько в этих про́центах чиновного элемента?
И всё прибавляются год от года.
Вот бы у кого выделить ген размножения,
Скрестив с пшеницей или помидорами.
Станет нужна новая таблица умножения,
По-особенному делила и умножала которая.
Клерков крепнет нерушимое братство,
И кто сказал, что в России эпоха застоя?
Наш чиновник для мира – национальное богатство:
Здесь «пилят», а за бугром строят.
Им беречь таких умельцев надо,
И не сирот, а чиновников усыновлять нужно,
А всех, кто против, ползучих гадов,
Обличать и на чистую воду выводить дружно.

Сообщение 16

В пятницу под Челябинском грохнулся метеорит.
Жириновский – известный наш маг и Айболит,
Грозя в сторону Соединённых Штатов,
Заявил, что это нам от них сюрприз бесплатный.
Без людей в космосе просто так ничего не случится,
Керри названивал Лаврову, чуть не вывихнул ключицу,
Наверное, хотел предупредить о провокации,
А Джон всё-таки член обамовской администрации,
И ему ли не знать, что говорит и что делает,
20 атомных бомб – это вам не мышь белая.
Кругом происки, всюду агенты Госдепа,
Вот и на Урале, хотя мысль слегка нелепа,
Не обошлось без происков иностранных агентов,

Теперь ждите выпадения чуждых нам экскрементов.
А военные предполагают, что болид
Был сверхточной ракетой ПВО сбит.
И вообще, о какой может быть речь гуманности,
Если метеорит, по признанию учёных, со странностями.
Да и челябинские предприимчивые граждане,
Обуреваемые наживы жаждою,
Уже осколки продают, не боясь растраты,
Как лекарство – лечит СПИД и рак простаты,
Вставишь такой дар с небес в попу
И чихай на продвинутую медицину Европы.
А обладатели старых, ещё советских окон
Бьют в своих рамах как можно больше стёкол,
Надеясь на еврооконную компенсацию ЖКХа,
Считая, что в этом не будет большого греха.
Не остался в стороне и честнейший «Первый канал»,
Горящий туркменский газовый кратер показал,
Комментируя, как с места события репортаж:
«Местность малозаселённая, и к чему здесь ажиотаж».
Правда, потом удалил сей подлог по-тихому,
Когда соответствующая поднялась шумиха.
Тысячи видео и просто новостных фактов,
И странно высказался премьер, однако,
Находясь в удалении красноярском:
«Это ещё один символ нашего форума яркий!»

Сообщение 17

По нормативам в казармах нужно иметь:
А) аккордеоны,
Б) домры,
В) баяны.
Хорошо, что необязательную оркестровую медь, –
Да ещё тамтамы и барабаны.
А что, после того, как из униформ
Вытрясли всю вату, заменив синтепоном,
Осталось одно – или применить хлороформ,
Или же плясать под музыку аккордеонов

Или баянов, что одно и тож,
Подыгрывая на домрах вальс «На сопках Маньчжурии»,
И нечего изображать из солдат вельмож,
Обвиняя их в изнеженности и бескультурье,
А то они все от пневмонии замрут,
Построения выполняя на плацу в морозы,
Здесь же исполнят музыкальный этюд,
И отступит повальных простуд угроза.
Но самые несознательные командиры Шойгу
Шлют челобитные: «Избавь от напа́сти,
Ненароком случится инспекция в полку,
А у нас от музыки одни запчасти».

Сообщение 18

Сотрудник газеты красноярской «Строитель»
Сдержал слово, съев статью свою, небожитель.
Называлась она «Обещанного четыре года ждать?».
Наверное, это подхлестнуло рать
Планировщиков, мэрию и работников «Мостоотряда»,
Решили: «Статью заставим съесть гада!»
И начали сооружать мост через Енисей,
Уже четвёртый на зависть не верившей публике всей.
А журналист оказался парнем честным,
Посчитав, что отнекиваться неуместно,
Газетку, порезав и макая в сметану,
Под видеозапись глотал неустанно.
За минут семь справился с заметкой.
Действительно оказался честнягой редким.
Пообедав, чиновникам посоветовал смело,
Чтобы их слово не расходилось с делом,
Иначе у не выполняющих обещания
Нещадно проводить зарплат обрезание.
И, от себя добавим, ещё за это
Всех кормить краевыми газетами.

Сообщение 19

В брюссельском аэропорту похищено
Десять килограмм алмазов.
Везёт же людям, сколько ни толкался в портах,
Я не оказывался ни разу
Не то что с 10 кг алмазов,
Но хотя бы с пригоршней стразов.
А в штате Миссисипи ратифицировали поправку
К Конституции, отменяющей рабство
(Даю справку),
Наконец-то решились,
Своевременно подсуетились.
В тефтелях мебельного гиганта «Икея»
Обнаружено мясо дешёвой конины,
А там рукой подать до свинины,
Смотря кто что есть согласен,
Для того такой десерт и опасен.
Мебельщики плохо разбираются в продуктах,
У нас бывший министр обороны –
Мебельщик, ещё тем оказался фруктом,
Собачьи консервы скармливали охломонам
Его подчинённые под перчик с луком.
А в Челябинске полицейские нашли занятие –
Гоняют любителей стирания «белых» пятен
С завесы над Чебаркульским метеоритом.
«Продают мошенники простые камни», –
Констатируют стражи порядка сердито.
Хотя кому это в убыток?
Не покупай, и всё будет шито-крыто.
И, конечно же, СК дёргает людей за приватизацию,
Некоторых даже из администрации
Кировской области, самого Белых.
Спасибо, что сразу не бьют под дых.
Разве Сергей Миронович Киров мог подумать,
Что на его родине, в Вятке,
Произойдут такие катастрофические неполадки,
Особенно в деле производства спирта и водки,

По вражеской оппозиционной наводке.
Знал бы Мироныч, не позволил себя
Застрелить в Смольном,
Разобрался бы по-пролетарски, и все довольны,
А так, учить их ещё да учить,
Как не поступать опрометчиво и самовольно.
Новостной ряд ползёт как пулемётная лента,
Выстреливая новостями и сотнями комме́нтов.
И в заключение, на депутата Пехтина – «едросса»
Накопали наличие недвижимости в Америке,
И сразу масса к нему вопросов:
«Откуда денежки?» – СМИ в истерике.
И глава комиссии по этике депутатской
Решил с Думой распрощаться по-братски:
«Не хочу однопартийцев подводить я:
Мы говорим «партия» –
Подразумеваем «Пехтин»,
Мы говорим «Пехтин» –
Подразумеваем «партия»!
А на неё и без меня сыплются шишки,
Так что скандал со мною уже излишен.
Вот поеду в Майами, где у меня «домишки»,
Разобраться с американосами не будет лишним».
И по-тихому свалил из Думы,
Сгорел по глупости, кто бы мог подумать.

Сообщение 20

В Израиле собакам запретили лаять
С вечера до утра и днём после обеда,
А если с этим не согласны хозяева,
Их ожидают немалые беды.
«Собака лает – караван идёт» –
Получается же слегка наоборот:
Собака лает, и штраф идёт
(До 40 тысяч на «деревянные» в пересчёт).
Воспитывать надо собачье отродье,
Чтоб вели себя правильно на народе.

Хотя и мы на «топот котов» сделали ударенье,
Не знаю, принесло ли это кому-нибудь облегченье
Или по-прежнему коты озверелые,
Что хотят ночами, то и делают?

Сообщение 21

«Наконец-то внук Сталина стал копией своего деда…»
А вот станет ли авто президента копией «Победы»?
Чуть ли не под лупой рассматривают фото внука,
Может статься, появится новая наука –
Ещё один плюс к сталинским заслугам,
А «Победа» так и осталась в 50-х где-то
Туманностью Андромеды,
Когда-то экспортировалась за границу даже
И была этакой брендовой маркой ражей.
А на кого же будут похожи нынешние внуки:
Все эти «Наполеоны», «Бонды» и «Капитаны Куки» –
Только нашего, российского, разлива?
Сексуальные дела идут довольно криво.
Может, скажут после смерти очередного героя:
«Вот с кого брать пример стоит».
«А твой внук, – спросят, – как насчёт сходства с дедом
У этого любителя «компа» и велосипеда?»
Вот помру, через 60 лет глянем,
А пока худощав, угловат и характером странен,
Только внуком Сталина уже не станет.
Какой из меня сегодняшнего Сталин?
Не дотягиваю даже до районного Георгадзе
И десятой доли, вот вам и… «Разве?»

Сообщение 22

В Ватикане начались консультации
По избранию Папы Римского,
А это не подлодки спускать со стапелей в
Северодвинске.
Тут особая нужна доверительность и секретность,
Ни один посторонний, а тем паче светский

Не должен попасть на предварительную конгрегацию,
Где кардиналы проводят свои консультации,
Кого избрать на пост нового Викария Христа,
Но задача эта не столь проста,
Тем более один чудак, нарядившись кардиналом,
Решил проникнуть на собрание клерикалов,
Но дошёл только до площади перед залом –
Плохо замаскировался, а вот одень балаклаву,
И никто не узнал бы самозванца-нахала.
Страшно подумать, чего бы стал вытворять на месте
Избрания Папы – нам неизвестно:
Может, раньше времени поджёг химикаты в камине
И подал тем самым ложный знак
Или выкатил на площадь в папском лимузине?
Одно ясно – скрытый враг!
И такого нужно наказать строго –
Пусть ответит перед людьми и Богом
Этот самый ложный епископ.
Дать ему тюрьмы лет этак триста,
Будет знать, как непотребно переодеваться
И как без спросу менять дислокацию.
Да и у выборщиков не сдали нервы,
Папу избрали Франциска Первого.

Сообщение 23
«Анна Каренина» – TV-экранизация.

Новая версия произведения Толстого,
Режиссёра Соловьёва (увы, не Седова).
И стоило ради стареющих артистов
Перелицовывать роман графа неистового?
«Ах, Вронский – этот почти мальчик…» –
Восклицает Анна, а «мальчик»-обманщик,
Этот самый упитанный актёр Бойко,
Лет на двадцать старше толстовского только,
И вообще собрались одни старики,
Но интерпретатору, видимо, это с руки.

Чтобы не походить на прежние экранизации,
Затеял этакую геронтологическую демонстрацию:
Барин Левин и волокита Стива
В таком возрасте, что едва живы,
И недаром всего через четыре лета
Каренин с Облонским простились с белым светом.
Ну, если Янковский играл старика,
То его зять в исполнении Александра Абдулова
Хоть и волочился за горничною слегка,
Стопудово уже о душе думал.
Режиссёр, конечно, наступал бойко,
Кто кого любит – не вопрос.
Друбич, сравнив Ланового с Бойко,
Затосковала и бросилась под паровоз.
Выходит, зря Соловьёв, желая удивить полмира,
Заложил ради экранизации свою квартиру.

Сообщение 24

В Секстинской капелле католики выбирали себе Папу,
Сироты при живом Папе, однако,
Но не нам судить, тем паче Папа скромный
И в постные дни не ел скоромного.
До этого жил в комнатушке простой при храме
И совсем не мечтал о Маме,
Хотя была у него в молодости невеста,
Но тогда бы Папа остался без места.
Он в больницах мыл ноги больным СПИДом,
Помогал бедным и инвалидам,
Отказался от персонального лимузина,
Ездил на метро, пешком ходил по магазинам,
Сам готовил себе пищу,
Короче, жил до папства совсем без излишеств.
Вот бы кто про наших сказал такое,
Глядишь, и не случилось бы в России застоя
И олигархов, и пацанов с золотыми цепями,
Но мы не иезуиты, мы сами с… часами,
С приличными квартирами и «Ленд роверами»,

Со своими скелетами в шкафах, с кандибоберами,
И не указ они нам,
Хотя там и «Habemus Papam!».

СТИХ 56

О чём написать? Может, о генералах,
Но что можно написать о них такого,
Если им посвящены целые подвалы
От Иосифа Бродского до Бориса Гребенщикова.
Эти парни везде – от Норвегии до Чили
И везде по-армейски качают свои права,
А ещё они там, где хорошие деньги «пилят»,
Как заправские лесорубы пилят свои дрова.
Про генералов – да, а про «гаишников» ничего не создали
(Или создали – не припомню что-то),
Ни сонетов, ни од, не выбили даже медали,
Строчат на них жалобы и высмеивают в анекдотах.
Или охотятся с видеорегистраторами,
Заряжая деньгами, как взрывчаткой, свои права,
Действуют по принципу вышколенных провокаторов,
А отсюда идёт нехорошая, право, молва.
Но военные по большому счёту и те, и эти:
Форма, погоны и, кажется, животы,
И во всех уголках они водятся на планете,
Только выйдешь из дому и встретишь такого ты.

СТИХ 57

Время не течёт в часах песочных, когда они на боку,
Если Боярский – это всегда «Мерси боку!»,
У мальчика – пальчики пианиста,
У юноши влюбчивого – онаниста,
У молодого мужчины – Ференца Листа,
У супермена – замученного органиста.
Зимняя даль прозрачна и льдиста,
Цыганка – это всегда мониста
И сакраментальное: «Дай!»
Без огненного меча ты уже не джедай,

Без музыкальной стойки ты не диджей,
Если ковбой – это всегда: «Налей».
В песочных часах знак бесконечности,
В глазах девушки от похоти до беспечности,
И седые виски у её отца,
Чей взгляд с оттенком свинца.

СТИХ 58

В «кирзе» – на работу, как на пожар,
В «берцах» – всегда исподтишка удар,
В «сланцах» – пляжный неожиданный шок,
В «мокасинах» – американский рок.
И так далее, и так далее:
От «кед» и до «чешек» –
Снисходительных пацанских усмешек,
А ещё «брендовой» обуви
(Перечислять не хватит блокнота) –
Застарелая мечта идиотов,
Для которых «забугорное»
Всегда желанно и недостижимо –
Идеологическая муть при всех режимах,
А желаемое в наших нищих душах,
Ищущее в чужих голосах отдушин
После того, как своих наслушаешься.

СТИХ 59
ПАМЯТИ СВЯЩЕННИКА И ХИРУРГА.

Семье из семи слепых крестьян
Он шестерым вернул зрение,
Положившись на духовника сан
И на своё чисто человеческое умение.
А теперь в 10-й красноярской гимназии
Есть небольшой музей-оказия,
Помятуя, как он в войну здесь солдат лечил,
И люди были благодарны хирургу за это,
Многих он вернул с того света,

Многим вкус к жизни сохранил.
Теперь это просто модная тема,
А в своё время для врача было проблемой,
Когда он приходил оперировать в рясе
Тех, кто подумывал о смертном часе,
И ставил на раненом крест йодом.
И каждая операция была штучной,
Про такую не скажешь – счастливый случай.
В глубокой вере находил Войно-Ясенецкий
Силы противостоять власти светской,
Которая его бросала из тюрем в ссылки,
Надеясь притушить характер пылкий,
Постоянно нацеленный на службу
Тем, кому он был очень нужен.
Доска мемориальная на фронтоне школы,
У медицинской академии – памятник,
И даже те, кто боятся уколов,
Почтительно склоняются перед его памятью.

СТИХ 60

Вечереет, солнце, проваливаясь в пустоту,
Высвечивает небо, как промокашку,
И человека, задумавшего на мечту
Натянуть смирительную рубашку.
Этот недоумок расчётлив и зол,
У него всё зачтено и вычтено.
Он знает, что такое «омепрозол»
И в чём недостатки культа личности.
Он знает, для чего в металлургии флюсы
И медицинское значение этого термина,
А заодно все минусы и плюсы
Новейшего, самого убойного сервера.
День равноденствия на вечерней планете
Между полюсами полоской тянется:
Перед нею ещё не угомонились дети,
А за нею уснули даже горькие пьяницы.

СТИХ 61

«Смотри, дождёшься ты у меня розг», –
Прежде строжились так старики.
У страуса глаза больше, чем мозг,
А ещё, говорят, у страха глаза велики.
Что делать, все мы немножко страусы,
Хотя поэт утверждал, что лошади,
Можно подсчитать и без старины Гауса,
И без Дарвина, только вот подсчитай, пойди.
«Воробей – верблюд» – переводится имя птицы
С африканского родного наречия,
И живут они до 75-ти, как водится,
То есть вполне по-человечески.
Мы условностями стреножены,
С какого ни посмотри края –
Все родные, все твари божьи,
Так чего нам на Земле не хватает?

СТИХ 62

Людей одного к другому привязывает время,
Оно же, бывает, отвращает некогда любящих.
Разошлись, идут поодиночке в рубищах
Изношенных надежд, не состоявшихся устремлений.
И каждый думает: «Начать бы сначала,
Уж тогда-то не опростоволосились,
Да знать бы, отплытие с какого причала
И к чему чесалась переносица?»
А вообще-то, всё ерунда: приметы,
Сны, гадание у знахарки-бабки,
Не поубивали же, спасибо и за это,
Лишь оттоптались, как слоны в лавке.

СТИХ 63

От Москвы до Красноярска
В два раза ближе, чем до Нью-Йорка,
Может, в нём и вкусней касторка,

Зато в Красноярске не так жарко,
Всё-таки город расположен в Сибири.
Держи карман шире,
Чтобы каким-то уступили американосам,
Потомкам Поля Робсона басоголосым
И любимцу мафии Френку Синатре,
Распевающему свои мантры,
Демонстрирующие госдеповские штучки,
У нас мужики до сих пор наматывают онучки
Под кирзовые сапоги,
Хотя часто встают не с той ноги,
Чтобы день наступающий не сглазить,
Чтоб не уступить ни одной заразе.
Даёшь московскую, тьфу – красноярскую прописку
И нашу похотливую бабу Лизку –
Волшебницу по части ломового секса,
Которая даёт безо всякого подтекста.
И хорошо, что далеко до Нью-Йорка,
Хватит с нас и петровской створки,
Или, как Пушкин заметил, – окна,
Не уступим Западу ни хрена.

СТИХ 64

Всё крутится вокруг первого полёта человека в космос,
А их было несколько сотен просто,
Может, просто, а может, примерно
И точно просто щекочет нервы.
У слетавшего первым человека спросили:
«Бога видел?»
А он отказывается.
«Африку видел, полоску Анд видел,
А Бога – извини и подвинь,
Не приведи Господи, аминь!»
Да и чего разглядишь за один виток:
Видел, не видел – всё равно молчок.
Встретил, не встретил – вскоре
К себе забрал,

Чтобы лишнего не болтал.
Молодым, 34-летним, – опять горе,
Всего-то на год пережил Христа,
Люди плакали, снимая с креста
Парня из города Гжатска,
Ныне Гагарина.
Прошло время, со страны слетела
Красная окалина,
И теперь населению не до Гагарина,
А Бог по-прежнему приглашает на небеса
И непрощённых, и тех, кто допрежь прощён.
В каждом городе есть улица Гагарина и храм,
Выходит, планида всё делит пополам.

СТИХ 65

«Власть отвратительна, как руки брадобрея…»
Когда сказано, а всё-таки жаль,
Что бритвою опасною теперь не умеют
Ни бриться, ни править холодную сталь.
Кончается осень – до боли печально,
Пусть всё разрушено, не всё… изначально:
Большие вокзалы крылами захлопали,
Кладбища кичатся своими усопшими,
Так баре кичились своими холопами,
Которые этих же бар ухлопали.
Осень оплывает – стеариновый запах горения,
Жизнь уплывает – стеариновый запах глумления,
Гиена гонения и горения, привкус сладчайшей паприки,
Мы в детстве не верили,
Что бывают целые шоколадные фабрики,
И всегда молились одному Богу – вождю,
Да хотя бы в засуху к дождю.
Сейчас в магазинах полно сладостей,
А в душе ни покоя, ни благости.
Всё ожидаем, что снизойдёт благодать
Откуда-то свыше. Исполать!

СТИХ 66

Мы любили и разлюбились,
Мы кружили и откружились,
Мотыльками о стёкла бились
И о землю орлами бились,
Кое-кто из нас раскрутились.
Мы с тобою теперь богатые,
На работу – не за зарплатою,
Одноразовой, многократною,
Аристархи мы, Стратилаты,
Будни – чёрные, дамы – красные,
Пики – чёрные, дамы – классные,
С тараканами, с прибамбасами.
Нет, напрасно мы разлюбились,
О стекло мы напрасно бились.
Но и то, и другое не правда,
Но и то, и другое не кривда,
Ни газета, которая «Правда»,
Ни брошюра, которая «Кривда»,
А появившаяся в 1966 году радиостанция «Маяк»
Выдавала музыку просто так.
Наблюдался уже оттепели конец
И окончание средней школы,
И слегка оперившийся юнец
Летал на крыльях любви весёлой.

СТИХ 67

Как только он стал издаваться за свой счёт,
Ему стало катастрофически не хватать денег,
До этого он довольствовался малым,
И денег всегда хватало.
У него всегда были скромные желания,
И финансы не говорили ему: «До свидания».
Он впал в ступор,
Схожий с анабиозом гоголевского героя,
Справившего шинель несуразного кроя
И которую вскоре отняли.

Маленький человек, мелкие детали,
Вечное унижение
Перед сильными мира сего,
Извечная жизнь на коленях,
Фактически проторчал не в передней,
Так в сенях,
Хотя не он первый, не он – последний.
Отбили носик у сливочника,
Какая разница, Николай Васильевич.
Когда б не ситуация эта,
Так и прожил бы многие лета,
Считая себя независимым где-то,
Даже везунчиком просто,
А не ингредиентом компоста.

СТИХ 68

Почему так модно трясти дерево ленинизма?
Потому что те, кто у руля жизни,
Не желают идеи равенства для народа,
Хапнул, перевёл куда надо, и концы в воду,
А чтоб не выл на старых развалинах,
С чувством напоминают о товарище Сталине.
Вот кто умел быдло держать в узде:
Вождь с нами, навсегда и везде.
Помалкивая, что Сталин и спросить умел,
И про слово ходовое тогда – «расстрел».
«Это хорошо, – пытаются объяснить людям, –
Мы от старых правил отступать не будем.
Это хорошо, что ты бел, как мел,
Значит, не забыл ещё про расстрел.
Всё остальное – это хлам и флуд…»
Очередную партию на прокорм ведут.

СТИХ 69

Как трудно пробиться к Богу,
Храмы стоят, как крепости,
Их заполняет святое воинство,

Призывающее сохранять достоинство.
А мне бы совсем немного,
Щёлочку узкую,
Заглянув, испросить душевного равновесия,
Немного удачи и веры,
А кто взбесился – перебесится,
На всё своя градация меры:
Злобы и снисхождения,
Обиды и всепрощения.
Не верю в ожиревшего вещуна,
Верю, что жизнь одна,
А о той, загробной… да как получится.
Что преждевременно заморачиваться,
Взыскуя, мучиться.
Кому как не служителям веры
Обуздывать свои желания.
Чревоугодие как чревовещание:
«Ублажи меня, ублажи.
Накажи меня, отче…»
И станут прозрачнее, чем хрусталь, ночи –
Всех моих помыслов этажи.

СТИХ 70

Зима тужится, словно не довела
До конца все свои дела,
Тишина распласталась,
Лежит среди взбитых снегов,
День прибавить в весе, кажется, готов,
Но солнце всё ещё в ступоре,
Весна никак не найдёт свой рупор.
От мороза высохли русла рек,
У людей набрякли шторки век –
Белых ресниц заиндевелые спицы,
Губы, словно на месте рта – кулак,
Крепко сжаты и не ощущаются никак.
Каково говорить, а не то чтобы петь,
Словно и язык укорочен на треть.

А зима стоит, не торопится никуда,
Словно в сосуде глухом вода
Заполнила холодом ёмкостей пустоту.
Не воздух – жидкий азот,
Рокуэлл Кент и Клод Моне – наоборот.

СТИХ 71

Дым Отечества, как дым проверок, горек,
А этот бизнесмен скатился с «Русских горок».
Он перепутал свою дверь с чужой дверью,
Любил играть в «верю не верю»,
Любил не отказывать себе в большом и малом,
Не рассчитывал, что кончится всё таким скандалом.
А ведь считался в делах подобного рода бывалым,
Наторевшим: дивиденды там, причиндалы –
Причин? Да мало ли…
Мосты горят, рушатся вокзалы,
Дороги засыпают оползни,
Только не дай погибнуть, только доползи
До края пропасти,
А там улетишь, как самолётик, сложенный из бумаги,
Не в твою ли честь подняты эти флаги?
Ты прорвись, ты за жизнь.
Твой девиз – ловкость рук и оффшоры.
Ты не крайний, крайний другой, который
Стоял впереди тебя и проморгал всё,
О чём только можно было мечтать:
Все финансы и всю матчасть.
Фу, кажется, пронесло,
Слегка пообмяли бока,
Но самолётик уже в крутых облаках
И тоже надеется, авось пронесёт,
Он хоть и бумажный, но всё-таки самолёт.

СТИХ 72
ССОРА.

Всё, кажется, хлопнула входная дверь – ушла.
Теперь пойдёт разбрасываться по округе;
В меру простодушна, в меру ушла,
В меру чарльстон, в меру буги-вуги
Из тех, чуть ли не послевоенных, лет,
Переняла от двоюродных тёток и мамы.
Давно выписан и даже записан портрет,
Родная кровь и так же упряма,
Пока не остынет, закусив губу,
Будет шататься, как угорелая,
Но про обиды свои ни гу-гу,
Чёртова ведьма, Ядвига, Гела.
Сама не вернётся, идти искать,
Опрашивать всех направо и налево?
Нет, характером вся в мать –
Что взбредёт в голову, то и делает.
Лампу настольную на окно
Поставить, повернув к стеклу рефлектором,
Прилетит на свет мотыльком,
Или этот свет не в её спектре?
«У каждой женщины должна быть змея…» –
Это у Бориса Гребенщикова – знаю,
А у каждой змеи под брюхом – земля,
Если, конечно, это не змея морская.

СТИХ 73
ПРИСТАНСКИЕ ЗАКОУЛКИ.

– 1 –

Расписной петушок из папье-маше,
Деревянная раскрашенная лошадка
И железный, цвета хаки, игрушечный самолёт,
Который в моей руке дивно тарахтит на вираже,
Петушок голосит, а лошадка ржёт,
Что ещё для счастливого детства надо?
Вылетаю на урчащем самолётике за ограду,

А там прямая дорога к солнцу и к реке,
По дороге телеги: то полные, то налегке,
Возчики перекрикиваются с бабами в холодке,
В каждой пудов по шесть весу,
Тут же их детки-повесы.
Жаркий полдень на окраинной улице,
Лишь старик одиноко сутулится
На лавочке, кажется, на уголке страны.
Старик упрямо ждёт сына с войны.
Не командир сын, не даже герой,
Обычный, с нашей улицы Пристанской.
Старик на лавочке сидит в любую погоду,
Высматривает, не сын ли идёт с парохода,
Да от речного вокзала дальше, чем до Берлина.
Старик с трудом разгибает спину,
И в глазах его непонятная для меня тоска,
Может, подарить ему петушка?
Вернётся сын, а у старика игрушка,
А то столько лет всё танки да пушки.
Я тоже поглядываю на речной вокзал.
«Его убили, – кто-то из взрослых сказал, –
Сына этого полоумного старика,
На базаре украл мыла один или два куска,
И даже, говорят, утопили».
Но старику об этом не говорили
(Зачем расстраивать блаженного чудака?).

– 2 –

Наша улица, прямо по ней не проехать,
Изгибается сообразно рельефу.
Говорят, по ней полковник Зилов когда-то
Вёз с войны чемоданов десять ребятам
(Своим детям и своей жене –
Даме дородной и шикарной вполне).
Люди же возвращались кто на «деревяшке»,
Кто в застиранной гимнастёрке, кто в тельняшке,
Но не таков был наш бравый полковник,

Мне из истории вспомнился Оливер Кромвель,
Несгибаемый командир «железнобоких»,
Пусть англичанин, пусть давно когда-то,
Но и под кителем Зилова были железные латы,
По крайней мере, мне так тогда казалось,
Зато и добра привёз, бабка так сказала,
Немало, возчика нанял с вокзала.
У бабки сына убили, и она не забывала
Ничего и никогда, только вздыхала:
«Кому война – кому мать родна.
Привёз добра, подумаешь-то г…на.
Вернулся бы Митенька живым, заработал
Побольше этого фартового жмота, –
И смахнув слезинку уголком платочка, –
Спасибо, что в живых остались две дочки…» –
Лаконично подбила бабки
Вдовая, сына потерявшая бабка.

– 3 –

Веримеиха, злющая, сквалыжная старуха,
Состояла старостихой при местном соборе,
Всем любителям дармовщины на горе,
Была веры неимоверной и крепости духа.
Но старика своего держала в чёрном теле,
Милейшего, надо сказать, на самом деле –
Никодима Ивановича, механика речного флота,
Рубахи-парня, в отличие от старостихи-жмота.
Всем, кто крутился у кассы церковной,
Поворот давала Ангелина Петровна,
Хотя домой её подвозили на «Волге»,
Оказывая честь престарелой «народоволке».
Зато дома эта из ума выжившая старуха
Демонстрировала перед стариком силу духа
И обедала от мужа затюканного отдельно,
Устраивая этакую мужику богадельню.
Впрочем, идиллия продолжалась недолго:
Дед ушёл на тот свет в самоволку,

Не очень-то пережила его и старуха,
Не стоило демонстрировать силу духа.

– 4 –

Живописать городской быт неинтересно даже:
Тот сидел, этот сидит, и очередной под стражей.
Один подкараулил мужика, продававшего корову,
Другой лишил жизни доктора пристанского,
Репрессированного профессора с мировым именем,
Ссылку отбывающего, не заботившегося об имидже.
Третий по глупости съехал с катушек,
Магнитофон увёл в клубе «Водник» катушечный.
Вроде бы посчитал свою выходку за игрушку,
Ну и получил за госсобственность на полную катушку.
А четвёртый, а пятый, а десятый…
Неинтересен этот «мушкетёрский» список, ребята.
Можно было, конечно, посчитать ещё «алканавтов»,
Их много и ни одного героя-космонавта
Или известного бесшабашного хоккеиста,
Зато дюжина уже в то время морфинистов.
Даже бизнесменов на удивление мало,
Хотя «Биллиардная» теперь на месте речного вокзала,
И со стелы, в честь прибытия вождя в сибирскую ссылку,
Барельеф отковыряли игроки вилкой.
Всё-таки бронза, а цены в кафе нешуточные,
Это вам не магнитофон катушечный.
Но, как ни странно, не заметили власти пропажи,
А вроде бы свободней вздохнули даже.
Мороки хватает с этими знаками культа,
Так, глядишь, недалеко до инсульта.
Хотя теперь КПРФ в городе потеряла силу –
Хватит, достаточно погнобила,
Пусть другим даст поуправлять немножко,
Да и к причалу позарастали стёжки-дорожки.
Технику «Речфлота» давно списали в утиль,
Так что на Протоке полный штиль,
И детишек у местных аборигенов не густо,
Повырубили в девяностых всю капусту.

– 5 –

На Пристани, как в Союзе, жили люди
Многих национальностей, будет
Около десятка, а может, и более,
Манил юг Сибири, как нынче Первопрестольная.
Пленных японцев забросила к нам война,
Так что про них не скажешь, какого рожна,
Поляки, украинцы, проще сказать – хохлы,
С татарами евреи у нас на ТЫ,
Немцы Поволжья, хакасов же было мало,
Прибалтов и белорусов тоже хватало.
И каждый был занят своим постоянным делом:
Японцы с металлом обходились весьма умело,
Татары казанские – ражие были детины,
Грузили муку, белыми были спины,
У каждого полотенце свисало на поясе…
Мирно сосуществовали в городе и в часовом поясе,
На четыре часа отличном
От жизни столичной.
Был даже перс, и звали его Замон,
Курд, говорят, на грузина смахивал он.
Жена его русская, нарожала ему полукровок,
Весёлых и шустрых девчонок – божьих коровок.
Не помню, чтобы делились на мусульман,
Иудеев, католиков, православных ли горожан.
По праздникам, выпив, буянили все, но в меру,
Хватало на всю Пристань одного милиционера,
Одной медицинской, водницкой амбулатории
И за рекой ещё царской тюрьмы-санатория.
Мы, ребятишки, книжки читали «Детгиза»,
А взрослые строили подобие социализма.
И для того, чтоб картина была полна,
К нам инвалидов забросила в город война.
Бывало, безногих, бывало, слепых и безруких,
Глядя на них, постигали мы жизни науки:
Историю, географию, хитрости крепкого мата,
Курения и шансона под звуки гармошки, ребята.

– 6 –

Память моя на бреющем полёте,
Пролетая, лавирует между новостроек,
Десятиэтажные здания, многоэтажный мат,
И бомж уверяет, что он вовсе не дипломат.
В голове стучит швейная машинка,
Один – другому: «Подвиньтесь, мужчинка…»
Господи, то фиолетовый, то голубой,
То контрабас, а то гобой.
Мартовских котов десант на железных крышах…
Называется, подышать свежим воздухом вышел,
Не заметил, как осеренилась сирень,
Окуталась белым цветом черёмуха.
Наломать букет – лень
И не наломать – тоже плохо.
Два школьника младших классов
Выясняют промеж собой, кто такие пи….сы?
Просят стать арбитром подвыпившего гражданина,
Но тот с понятием: «Вам такое знать не по чину,
Лучше почитайте про льва и собачку,
А не задавать людям такие задачки».
«Ну его, закинемся в Интернет,
Доставай «айфон», и готов ответ».
Мужик хлопает себя по карманам, ищет зажигалку,
Ему этих «умников» слегка жалко,
Он своему такому же не платит алименты…
Старуха, начисто лишённая слуха,
Проходя мимо, разрешает спор споро и сухо:
«А вот я вас, мазуриков!» – и грозит палкой.
Пьяному гражданину и старуху жалко,
Он пытается её назвать матерью,
Но та и его посылает к такой матери.
Всё-таки лучше вспоминать молодые годы,
Память шныряет за огороды,
Где на пустыре – осока и глина,
Цыганский табор шатры раскинул,
И цыганки рассыпались по улочкам пригорода

Обывателям судьбу предсказывать втридорога.
Втравливают в процесс, начиная с копеек,
А доходит до кур, петухов и индеек.
Походные костры дымом заволокли округу,
От реки, с дебаркадера, доносит песню о друге,
Как будто друг – это третье твоё плечо,
А мне дружок въехал мячом в лицо,
И подружка, знакомая с детского сада,
Усмехнулась и только вильнула задом,
Вроде бы так и надо.

– 7 –

Он сказал мне: «Я ни разу не видел,
Чтоб кто-то кого-то трахал
И эти кто-то охали или ахали
От желания или от страха».
Подумаешь, тоже мне фуги Баха.
В тополях запроточных и даже на местном пляже,
Где попало и в зимнее время даже
Можно видеть неровные эти картины,
Когда горбятся друг над дружкою спины,
И лунный свет кисеёю из паутины…
«Ты о чём это, – тычет мне друг в бочину. –
Я сказал тебе, что ни разу…»
«Да я понял…» – девочек безотказных
Было много, играла шпана в «девятку»,
Их ловили менты, отбивая носки и пятки,
А зачем? Видно, нравственность их тревожила не на шутку,
Знали бы, до каких дней доживём… На минутку
Крепко-крепко зажмурился опер Миронов,
Не ходили б старухи к нему с поклоном:
«Отпусти, милок, моего сыночка,
У него полюбовно с хромого Ивана дочкой…»
Усмехался в усы несгибаемый кэп: «Босота,
Твой паршивец, вот фотки моих «сексотов», –
Сам же прятал в усы ироничный слегка оскал
И героя-любовника всё-таки не отпускал.

Время шло, и ушёл в мир иной Миронов,
Портят девок его подопечные без гонд…ов.
На могиле мироновской памяти горькой стелу
Тоже портят и думают, что за дело.

– 8 –

Моя тётя работала бухгалтером на дрожзаводе.
Там в цехах стояли такие чаны
С удивительно хлебным запахом варева,
И тогда мы, ещё пацаны,
Бегали на этот заводик старенький.
Допотопный, с минимумом механизации;
По двору расхаживали лошади,
Запряжённые в «бестарки»,
Эти одры копытами клацали
И казались нам привлекательней,
Чем теперь иномарки.
А отходы производства назывались «бардой».
Её мы корове возили в бочке,
И сторож дядя Ваня, всегда под балдой,
Помогал нам изредка, между прочим.
За дорогой, в затоне, синела река,
И небо в детстве всегда голубое.
И хотя мы за «деликатесом» ездили изредка,
Корова исправно повышала удои.
Вспомнишь былое – тоска сосёт
Сердчишко, а детство – дырой в заплоте.
Давно расформировали дрожжевой завод,
Коровы не стало, постарела тётя.
Она на пенсии и сводит баланс
Лекарств в необходимой дозе.
И всё дальше времени дилижанс
Нас от пережитого увозит.

– 9 –

Дед Мухин известный был пимокат,
Я всегда боялся бороды его.

«Вот не будешь спать, – стращал меня брат, –
Придёт дед Мухин…» – и что с того?
А ещё у него было несколько дочерей,
Я с ними ходил в одну школу,
И не было девочек красивей,
Чем у этого ваятеля валенок весёлых.
Дед Мухин – запоминающийся старик,
В нашем районе известная личность,
К его пимам у нас все привыкли,
Выкладывая за них любую наличность
(Тогда не ведали про слово «кредит»),
Хотя взаймы охотно давали,
Да и улица наша – не Уолл-стрит,
Где жили эти мухинские крали.
Дед умер, валенки и дочерей разобрали,
Но помнить о мастере не перестали,
Упоминая всякий раз про бороды его вид,
А дом его до сих пор стоит
И смотрит на новую школу
Окнами своими весёлыми.

– 10 –

На берегу Протоки стоял «ГУТАП» –
Организация по снабжению была такая,
На территорию не зайдёшь просто так,
Но мой дядя – кладовщик, и меня пропускали.
И в одном складе списанных запчастей
Уйма и подшипников много битых.
Казалось, жизни не хватит всей
Пересмотреть их за дверью едва открытой.
То-то богатства – выбирай скорей,
И мы шариками набивали карманы,
А потом включали «коробку скоростей»
И домой… с друзьями делить без обмана.
Шарики походили на блескучую икру
Железных рыб неизвестной породы,
Вот-вот, казалось, прилетит птица Рух

Из красного заката, принеся непогоду.
Беспокойно становилось тогда на душе
И мерещились различные привидения,
Уроки не учились, и в дневниках уже
Маячил «неуд» по поведению.
Дядя спрашивал строго: «А где ремень?»
И мы понимали, «ГУТАП» надолго для нас закроется,
А с другой стороны – не каждый же день
Надоедать взрослым, быстрей успокоятся.
Шарики – девчонкам, пусть играют пока
В «классики» на плитах возле школы,
И над всем этим плывут облака
Поры той далёкой и весьма весёлой.

– 11 –

С нами в вечерней школе учился какой-то чин,
Интересно, хотя и не было особых причин,
Кем он служил в Спасском соборе,
Только школу он посещал себе на горе,
В 10 «Б» учился вместе с Валеркой и Лёхой,
А вот как учился: хорошо ли, плохо?
Потом пропал, словно вознёсся на небеса.
Это, говорят, прихожанки, изгоняя из него беса,
Жалобы строчили чуть ли не в канцелярию небесную
На эту божью тварь бессловесную.
Больше мы его в школе вечерней не встречали,
А в храм тогда мы не ходили,
Да нас особо-то и не приглашали.
Наверное, хорош был в рясе, при паникадиле.
Может, и правда старухи со свету сжили?

– 12 –

Шкипер Шлыков всегда за правду горой,
У него самоходная баржа была в подчинении –
Предмет внимания пацанвы пристанской,
Хотя мы держались от него в отдалении,
От крутого мата, когда он «балакает» с матроснёй,

Тише становились даже волки морские эти,
А ведь любой из них запросто «финкою» полоснёт,
Но со шкипером они смирнее овечек.
Уважали в нём бывалого моремана
Эти безбашенные сыны человечьи,
Герои многих приключенческих романов,
Гроза, как сказали бы теперь, – задротов.
И даже начальство боялось его пристанское,
Только видели бы вы, как он улепётывал
От жены после очередного запоя.

– 13 –

Дурочку городскую дразнили Зелёною Ритой,
В похожести на артистку собака была зарыта:
Остроносая и худая, как от швабры палка,
И нам, хулиганам, нисколько её не жалко.
Мы изводили её, бегая за ней следом,
Мы считались добрыми, а она – вредною.
Побирушка, нищенка, вроде как не в себе,
Пустое место в пацанской нашей судьбе.
Дразнили жестоко, но каждый боялся немного,
Хотя что выкинуть может старуха эта убогая?
И только однажды за старым киоском я видел,
Как зашлась бабка в недетской своей обиде,
Слёзы катились по рытвинам грязных щёк,
Горе старушечье было нам невдомёк,
Что может у Риты в душе её чёрной гнездиться,
Какая такая синица или жар-птица?
Проплакавшись, она беззубым зашамкала ртом,
Но кое-что стало понятно нам только потом,
А пока за ларьком сидела на каменных плитах
Дурочка городская, Зелёная чья-то Рита.

– 14 –

На окраине, за неказистыми домами,
Разливалась городская канализация,
Где заканчивалась цивилизация,

Желтовато-бурая жидкость – мадежами
Замерзала, и мы с ребятами
Там катались на самокатах,
В хоккей резались там мальчишки,
Носы не воротили, мол, пахло слишком
От Фоки, Чарли, Зихара и Турана –
Сточные воды обновлялись постоянно,
Мы болели «желтухой», лечили плохо,
Что совсем не странно, –
Такая послевоенная эпоха.
Медицина в провинции была слаба,
В «инфекционку» надоедала ходьба.
И весною, когда на реке сходил лёд, –
Все нечистоты шли опять туда.
Дяденька-горсовет был жмот,
Объясняя: «Где столько хлорки взять?»
Местные власти боролись запретами и приказами.
Начальство не болело ни разу,
Но зато их обихоженные дети
Не считали себя самыми счастливыми на свете.

– 15 –

А интересно, жизнь в частном секторе
Маленького, захолустного городка
Всё в таком же незыблемом спектре
Сейчас, как была, когда улицы и река
Всецело подчинялись провинциальной дрёме
Почти деревенского быта, кроме
Появившейся щёлочки в большой мир
Телевизора, дотерпим до вечера – поглядим,
Что творится с одним и другим…
Хотя перед кино был журнал «Новости дня».
У тебя ещё маленькая ступня,
И ты донашиваешь худую обувь с чужой ноги,
А когда купят резиновые сапоги,
Тогда все лужи и вселенная вся – твои.
Новость дня – мне купили резиновые сапоги

По размеру чуть больше моей ноги,
И прощай спокойное небо в лужах,
Опаздываю сразу на обед и ужин,
Всё гуляю по облакам,
Благодаря новым резиновым сапогам!

– 16 –

В доме, по которому порхало моё детство,
Ещё проживают некоторые предметы –
Времени и стиля того приметы:
Лавка, на которой сушили валенки,
Заглядываю в окно, словно мальчишка, с завалинки.
Эротику в детстве заменяли сладости,
А детские фантазии – недетские страсти,
И вообще детство – это убежище
Для всей твоей жизни последующей.
Приступы воспоминаний, детской рефлексии,
Как приступы шизофрении или эпилепсии.
Скоро, как с русского на русский перевод,
Понадобится с детского на взрослый, и наоборот,
С языка птиц и зверей на язык детей.
Радостно сжимаешь некрепкие кулачки,
Ещё бабочки сами летят в сачки,
Ещё облака в лужах кружат
И солнце падает за горизонт,
Как вращающийся разноцветный зонт.
И даже замок на механической застёжке
Снизу вверх прыгает на одной ножке
И сверху вниз,
Как воробей
С карниза
На карниз:
Прыг-прыг,
Шмыг-шмыг.

– 17 –

Мой город ужасно революционный,
Судя по названиям улиц, так говорю,
И хотя жили в нём преимущественно чалдоны,
Стояли они с евреями в одном боевом строю.
Шагал комиссар в куртке, хрустящей, кожаной,
И писарю тыкал в его записной блокнот:
«Здесь улица Пролетарская, там переулок – тоже,
А после Повстанская прямо до синих ворот.
Далее Утросентябрьская и Штабная,
Колеватова, Комсомольская и Спартака,
Маркса и Энгельса – этих-то, может, знаешь?
В головах граждан останутся на века.
Пиши аккуратней, уволю с хорошего места,
Пойдёшь по Рабочей таскать на завод кирпичи.
Улицы Фрунзе, Чапаева – будут всегда уместны,
Ленин и Крупская тоже у нас в чести.
Вот ещё Красноармейская, Щорса,
Борцов революции, ладно, передохнём.
Может, Мичурина вставим сюда для форса?
Сталина надо б, да переименуют потом.
Лучше уж Чехова, Гоголя или Пушкина,
Последний отважно, считай, за Рассею погиб.
Правильно, будет хоть творческая отдушина,
А то в маленьком городе и такой экстремистский загиб».

– 18 –

В городе на улице Народной,
Где всё народное и свободное,
Как «Освобождённый труд»
На площадях и улицах российских городов,
Есть библиотека Пушкина имени
(Так бы и написал: «Среди огородов и садов…»).
Но эта улица с пятиэтажками глухими,
Наверное, народу так будет лучше,
Да и самому Александру Пушкину.
Понятно, отчего так любят душку

В моём городе;
Здесь декабристы когда-то ссылку отбывали,
Не в рудниках и солдатах,
А декабристы и Пушкин – близнецы-братья,
Кто более матери-истории ценен,
Декабристы Пушкина заключали в объятья,
А Пушкин у декабристов просил прощения:
Ехал в Питер, но зайца испугался и отвернул,
Решив, подождёт восстание на Сенатской,
А потом с няней ушёл в загул,
Забыв про Северное и Южное братства.
Есть в городе педучилище тоже
Имени нашего Александра Сергеевича,
Будущие учитёлки до чего пригожие,
Хотя и не похожие на пригоженскую Валерию.
Конечно, по образованности Гончаровой фору
Они бы вполне без натуги дали,
Вот бы кого невестами впору,
Они бы не стали с Дантесами зубоскалить.
В Минусинске нет ни улицы Сухэ-Батору,
Ни другим воинственным азиатским мэтрам,
Оттого и рождается литераторов
Больше, чем полководцев, на квадратный метр.

– 19 –

Говорят, первые красноярские «сталинки»
Японские военнопленные возводили махом,
И пусть они росточка были маленького,
А потолки в тех домах – аховые,
Выше трёх метров в таких квартирах,
А ещё японцы ничего не тырят,
Скорее сделают себе харакири.
Узкоглазые, ручки сухие,
А строили на века, видимо.
У нас, в Минусинске, их тоже видели,
Они в РЭБе работали на совесть,
Суда чинили в мастерских на пристани

И к жизни нашей присматривались пристально.
Хотя печальна о военнопленных повесть,
Но их потом домой отпустили,
Только те на здешних дамочках подженились,
И дети были, всё чин чином.
Не станешь же их выгонять дрыном,
Мол, …вайте в свою Лимонию,
Здесь вам не Дом отдыха или филармония!
Японцы старыми уже стали,
Их руки привыкли к обработке стали,
А вместо Утамаро и Харунобу –
Суриков с Репиным, а мы – …вайте.
Невежливо обошлись с самураями ихними,
Но всё-таки к пенсии кое-как выпихнули
На родину, в Японию, а не в Чили,
Как и полагается – в русском стиле.

– 20 –

Мой дядя, нарушая все принципы соцэкономики,
С весёлым товарищем по бондарному цеху
(Клименок – была у того фамилия),
Как андерсеновские весёлые гномики,
Бочки делали для мясокомбината в сарае
И никого туда не пускали.
Производство было полулегальное,
Могло превратиться для них в подвальное,
Но местное начальство закрывало глаза
И молилось на образа,
Лишь бы эти лихие бондари
В один прекрасный денёк не сбондили
И не прекратили делать для производства бочки,
А соседи знали про ту «точку»,
Но никто не стукнул в милицию,
Мол, так и так, известные лица
Стучат по обручам кувалдами.
Да пусть стучат, нам совсем не жалко,

Только подрываются основы соцэкономики…
А наши дяди, весёлые гномики
И по природе – большие комики,
Весело ковали рублики для своих детей
На зависть почтенной публике округи всей.
А бочки выходили такие ладные,
Пахли кедром свежевыструганным, как ладаном,
Дяди клёпку стягивали тросами,
Словно женщины тело стягивают поясами,
Вставляли круглые донца
И всё это увенчивали синеватыми обручами…
P.S. Нет давно уже мясокомбината,
И бондарские инструменты подевались куда-то:
Все эти рейсмусы, наструги и уторники для уторов,
Ими дяди выбивали канавки для днищ.
Нет даже комбинатской конторы,
В которой дядям не заплатили по несколько
Дореформенных неденоминированных «тыщ».

– 21 –

Мой дядя не любил сидеть без дела,
А тогда наблюдался дефицит зеркал,
И вот дядя, направляя мою деятельность умело,
Мне боевое задание дал…
А было это в 1961 году, ещё до полёта Гагарина,
Но уже далеко от эпохи Сталина,
А то мы бы с дядею не рискнули,
Боясь оказаться в МГБ на стуле,
Тогда шёл обмен старых денег на новые,
И дядя мне дал несколько новых целковых,
Чтобы я в пунктах обменных
Наменял непременно
Побольше серебряных полтинников.
Я поменял и чувствовал себя именинником
После дядюшкиных похвал,
А мамин брат тоже не сплоховал,

Распустил это серебро в кислоте
И, высушив выпавший серый осадок,
Растворил его заново, может быть, и в воде.
А потом на витринное стекло
Разливал раствор. Чтобы ровненько растеклось,
Подогревая снизу свечой, где надо…
Зеркала получались не совсем «кондишен»,
Рябили немного, кривились излишне.
И теперь, когда смотрюсь в дядюшкино трюмо,
Вспоминаю тот год и властей угрозы
За частное предпринимательство.
И смотрюсь, как сквозь слёзы,
В потемневшее зеркало через дымку лет…
Давно уже дяди моего нет,
А его печальные зеркала живут.
И как, в самом деле, не прослезиться тут,
Вспомнив, что вечно мы кому-то должны
И в первую очередь – недреманному оку страны,
Хотя так и не выбрались из нищеты
Ни дядя мой и не я, да!
Вот такая получается ерунда.

– 22 –

Воспоминания – куда от них деться:
Угловой домик, в улицу – три окна,
У пивзавода, в городке моего детства,
Жила девчонка, из нашей школы она.

Маменькина дочка с бантами белыми,
С портфелем, едва ли не больше её…
Мы подшучивали над ней между делом,
А время делало дело своё.

Девчонка школу посещать перестала,
Не озорство наше – причины другие,
Жизнь её теплилась в полнакала,
Белокровие, по-научному – лейкемия.

Такое во сне дурном не приснится,
Девчонка лежала в больничном халате,
Я сам её видел во дворе больницы,
Вывезли подышать прямо в кровати.

Какое здесь вставить сочувствия слово,
Искусством риторики мы не владели,
Помню фамилию её – Трунова,
Девочки с бантами и с большим портфелем.

Траурно затрепетали все ленты и банты,
Когда через город её провожали.
Трубы оркестра нестройно вздыхали,
И плакали, кажется, музыканты.

Смутно белели картонные лица,
Улица – декорацией в печальном зале…
Вспомнилась «Смерть пионерки» Багрицкого,
Стихи, которые на литературе читали.

Пахнуло бензиновой гарью и пылью,
Мы все повзрослели заметно, сразу.
Кончилось детство, лишь облака плыли
Белыми бантами… заразы!

– 23 –

Из моего детства идут странные слова
И тянут за собой паровозиком простые воспоминания:
Венские стулья, панцирная кровать,
Печь-голландка, буфет, уважение и почитание
Старших: «Марш в угол! Зубатиться перестань!» –
Кузбасслак – краска, блестящая, как уголь,
Антрацит и дальше – горжетка,
Панбархат… «Так и будешь стоять?
Повернись-ка лицом к стене» –
Муфта, боты, манто…
Обида душит вдвойне

Оттого, что нельзя возражать,
Детские кулачки сжать
И думать: «Вот стану взрослым,
Своих детей не стану мучить вопросом:
«Почему ты молчишь опять?»
Примус, керогаз, вторая панцирная кровать,
«Бурки», гольфы, «Красная Москва» –
Старые-старые слова.
Запах нафталина и хлорки,
Земляничного мыла, привкус касторки,
Рыбьего жира, ощущение вазелина,
Медицинские банки на грудь и спину,
Компресс из «Тройного» одеколона,
Горсть игл патефонных –
Теперь это всё анахронизмы,
А тогда – неотъемлемая часть жизни:
Керосиновая лампа, шёлковый абажур,
Перелицованное пальтишко, «накидашки»-гипюр,
Патефон, самопряха, веретено,
Дверная заложка, фильмоскоп, окно
На двухстворчатый ставень, засов, чекушка,
«Стеклянная четверть» – это как ба-альшая четушка –
Этакая бутыль с вишнёвой наливкой…
«Не суй свой нос, получишь по загривку», –
Ёршик, самовар, чугунный утюг на угле древесном,
Плотницкий инструмент – от наструга до отвеса,
На стене радио – чёрная тарелка.
Тётка вздыхает: «Кручусь, как белка.
Мойте руки и марш к столу.
И ты, бука, уснул там, в углу?»

– 24 –

Пивзаводик сам по себе небольшой,
А труба у него, аки перст – велика.
Грузчик бухгалтеру говорит: «Постой,
А не пропустить ли нам по кружке пивка?»
Главным в окружающей здешней среде

Было на Средовой площади это серое здание,
И весь город подтягивался к этой трубе,
Верней, к забегаловке у её основания.
Во время получки, а то и просто так,
Позвенев незначительной в кармане мелочью,
Набирали сумму, к пятаку пятак,
Штатный учитель и заштатный неуч.
Вечерело, но гужевалась толпа
(С чего бы сердечных обуяла жажда?),
Напившись, мочились у электрического столба,
Не опасаясь, что может долбануть однажды.
Не раз отмечались здесь народа слуги,
Свеженького-то пивка всем охота.
У пивнушки, как в бане, равны заслуги
Члена горсовета и последнего идиота.
Для всех эта «Под труба» была светом в окошке,
Закусь – рыбёшка, какие там раки,
Бухой инвалид наяривал на гармошке,
Не замечая ни суеты, ни драки.
В сумерках, как обычно, подтягивались жёны
К своим выпивохам, подгулявшим на славу.
«А что, отдыхаем вполне законно,
На это имеем полное право!»
Случалось, оставался мужик в исподниках,
Щепотка соли к пивку и к жизни.
Торговая точка у пивного заводика
Как веха тогдашнего социализма.

– 25 –

На Пристанской улице два барака,
Тип строения одинаков,
Населения тип одинаков –
Очень схож меж собой генотип.
В широченных клёшах путается река,
Форменные фуражки высоко в облаках,
Ребятишек в семьях – путаются в ногах,
Детский сад весь в цветах на задах

Деревянных похожих строений,
И безоблачных лет наслоение.
Так, пожалуй, тогда мне казалось,
Что с того – накопилась усталость
В этих лестницах тёмных подъездов,
В этих лозунгах действий и съездов.
И когда во дворах домино,
И когда мяч футбольный в окно.
Зато вид из любого окна
Самый лучший: и речка видна,
И затон, и отстой пароходов,
На вокзале скопленье народа,
У ларьков горьких бражников накипь,
Дальше водозащитная насыпь.
Время шло, и менялась округа,
Выходя из привычного круга
Мата грузчиков, крика торговок,
Лиц без возраста, беспонтовых,
Да общающихся по-братски,
Как в опусах Ковенацкого.
Но стихала регтайм-какофония,
Когда белого бóрта симфония
Теплохода с реки наплывала,
Отходя от речного вокзала.

– 27 –

Возвращаясь в дом былых воспоминаний,
Захожу в дом, где живёт мой брат.
Здороваясь, обходимся без лобызаний,
Но всё равно один другому рад.
Всё на месте в доме, где прошло детство:
Самодельный буфет, старое трюмо.
Мысленно здороваюсь: «Думал, капец вам,
Дядей сработанные давным-давно
Вещи эпохи развитого сталинизма…»
Помнят они рук мужицких тепло.
Глядя в несуразности нашей жизни,

Чуть кривится зеркала тёмное стекло.
Этажерка – тоже дядиных рук дело,
Правда, обживают ей Маркес, Бёлль и Апдайк.
Звонким колокольчиком детство прозвенело,
Сохраняя в этих стенах времени Клондайк.
Брат устало смотрит, недоумевая.
«Рухлядь», – и кивает на своё «добро».
Всё теперь другое, жизнь давно другая
У живых, а мёртвым? Мёртвым всё равно.

– 28 –

Вспоминаю детство своё,
Женщину, красивей стюардессы в полёте,
Я украдкой поглядывал на неё
И думал: «Какая всё-таки у меня тётя».
А она думала об ответственной своей работе.
И уже давно скончалась война,
Приходили домой ребята:
Солдаты, солдаты, солдаты –
И всё мимо красивой тёти.
Ей бы о себе позаботиться, а она о работе,
О бухгалтерии на небольшом заводике
(Мне тогда пять или шесть годиков),
И тётя жалела своего племянника,
Совсем сироту и пока ещё маленького,
Любила его бескорыстной любовью,
Сама вела жизнь вдовью,
Её женихов забрала война –
Тётя замужем не была.
Медали звенели на груди у фронтовиков,
И каждый посвататься был готов,
Но тётя всё ждала и ждала кого-то:
Стукнет дверь, промельк сквозь щель заплота.
Вдовая моя тётя,
Которая никогда не была замужем…
Слоники, салфеточки рифечённые,
Ракушки и камушки

С моря привезённые,
Фотографии с пальмами, кипарисами, тополями,
Фотография брата на стене, в чёрной раме,
Молодого и тоже любви не познавшего,
Где-то в болотах ничком упавшего
При отступлении, но пришла похоронка…
Всегда рвётся там, где тонко:
Бабка не дождалась сына, тётя – брата,
Это случилось давно когда-то.
В День Победы я своему внуку прикалываю
Георгиевскую ленточку,
И когда-нибудь я ему расскажу о тёте,
О её тихой бухгалтерской работе,
О её брате, совсем молодом солдате,
И о воевавшем своём отце, его прадеде.
Внук любит смотреть парады
И подбивать виртуальные танки
Во время игры в компьютерные войны.
«Памяти павших будьте достойны»,
И живых – тоже.
Как моя тётя,
Состарившаяся на тихой работе,
Так и не дождавшаяся ни жениха, ни брата
С войны, случившейся давно когда-то.

– 29 –

Сегодня узнал, побывав в соцсетях,
Что друг умер ещё в 90-х годах,
То есть сравнительно молодым,
Кудрявым, волос русых дым.
Знать бы, что планида его такова,
Нашёл допрежь нужные слова,
А по малолетке – поделился конфеткой,
Обнял: «Сашок, что с тобой?»
Может, покачал бы головой.
Теперь уже не поделиться куском пирога –
Ударился друг в бега.

Намного пережила его мать,
Воспитательница в пристанском детсаду,
Мария Петровна, ночь застигла её в снегу,
Весть застала её врасплох.
Всё туманнее огни городов,
Река времени – всё понятно без слов.
Да кабы всё… Не просвечивает покров
Полога опускающихся снегов.
Друг мой Сашка, весть ударила как доской,
Неизбывной глухой тоской.
Сашка, не уходи, постой.
Неужели и ты за чертой?

– 30 –
ГОТОВАЛЬНЯ.

В магазин «Спортивные товары» –
Земляничную поляну детства нашего,
Где от рыболовных реприз
До охотничьего репертуара:
Ружей, патронов в кожаных патронташах,
А ещё гантелей, дисков и штанг,
Всего только шаг
До биноклей, подзорных труб, луп.
Каково лицезреть пацанам из халуп?
Но не этим поразила меня витрина
Спортивного магазина:
За стеклом с чертёжными инструментами
Появилась готовальня одномоментно.
Кажется, от неё шло волшебное сияние,
Видимое даже на расстоянии,
Затмившее своим удивительным светом
Все поляны детства и всю планету.
Не знаю, может, я проболтался где-то:
День рождения, август, конец лета.
Тётя десятку мне «новыми» отваливает
И велит для брата купить готовальню,
В подарок. Я по-быстрому слётал до магазина,

Продавщица готовальню подала с витрины.
В душе я смирился с такой потерей,
Но в день рождения – глазам своим не поверил:
Тётя мне дарит вещицу заветную,
Достав из ящичка столешницы буфетной.
Много воды с той поры утекло,
Я любуюсь подарком, и опять светло
От рейсфедеров, циркулей, «балеринок»,
Их сияющих никелированных спинок –
Такой хай-тек из прошедшей жизни
На фоне мечты о строящемся коммунизме,
Когда не было престижней инженерной профессии,
И готовальня к ней – первый шаг по лестнице.

– 31 –

Шоколадные конфеты «Москва» –
Слюдяная обёртка с башней красной,
Кремлёвской, классной,
В которую завёрнута, хочется сказать, голова,
Нет, шоколадный шар, скорей головка,
Её и надкусывать-то было неловко,
Потому что на этом куске шоколадном
Кремлёвские башни, будь оно неладно.
Но мы тогда не заморачивались идеологией,
И эти атрибуты не подчинялись логике –
Кремль есть Кремль, а конфеты – «Москва»,
Пусть даже «Красная» – всё равно слова.
Зато по вкусу шоколадки непревзойдённые,
Из командировки тётушкой привезённые,
Не шли в сравнение с «Мишками» и «Кара-Кумами»,
По ассоциации с Третьяковкой и песками угрюмыми.
Эх, знал бы знаменитый художник Шишкин,
Не позволил бы Савицкому пририсовывать «Мишек»
На бурей поваленной сосне.
Где эти «Мишки», а Кремль устоял вполне,
Шоколадно красуется на площади Красной
Вместе с брендом всемирным Спасской башни,

Но напрасно с «Москвою» ждут племянники у порога,
Я не бываю в столице, теперь это очень дорого.

– 32–

Минусинские дворики;
Откуда ни глянь – заборы,
Плывут купола собора,
Крыши офисов и контор.
Новому запрет до сих пор –
Все они заповедники,
Джунгли они и заказники –
Дворики старого города,
Будни они и праздники.
Рёвом новостроек зашуганы,
Не поленовские, васнецовские все.
До сих пор огородные пугала
Между грядок во всей красе.
Гостеприимные дворики,
Пиво-мёд в них течёт по усам,
И не в почёте здесь дворники,
Всяк себе дворник сам.
Даже старушка, сгорбившись,
Свой подметает двор…
Лунною ночью, «Орбитом»
Щёлкая, шмыгает вор
Около стенки пожарной,
Сложенной из плитняка,
Если изловят граждане,
Вломят наверняка.
Дворики минусинские
В красках и без прикрас,
На Пристанских и Подсинских –
Провинциальный цайтгаст.
Дворики минусинские,
Скученность и простор;
Здесь – купола собора,
Там – запроточный бор.

Дворики минусинские –
Крепости старины.

– 33 –

Старый дом, перестроенный не раз,
Упрямо помнит о своём первом хозяине-художнике.
На стенах время от времени, словно напоказ,
Проявляются картины, как бы крадучись, осторожно.
Это пейзажи, но есть среди них одна
Женщина, очень редкая она гостья в доме,
Возможно, это художника жена,
Просто жена, и ничего кроме.
Но почему на её шее еле видимый след,
Как бы сказали сейчас – триангуляционная полоса?
И всегда проявляется она перед одной из бед
В доме, где хозяева не верят в чудеса.

– 34 –

Вчера я побывал в доме, которого давно нет:
Ни первого, ни второго этажа, хотя в окнах горит свет,
Ни лестничных пролётов, хотя слышится шум шагов,
Половиц скрип, говор чужих голосов.
Я хожу по дому – где в двери, где через стены,
Втягиваюсь в его жизнь постепенно:
Вот бабушка моего друга, она умерла давно,
А вот это, второе справа, окно
Прежде выходило на пристанские склады,
Без следов пожара дом не миновал беды.
Сквозь кроны деревьев просматривается затон,
Для пароходов и барж на зимовку – загон.
Дом устал вечерами здесь видеть сцены,
Обитатели ставили их постоянно и непременно.
В мыслях брожу я по их бараку:
В одной из квартир – весёлая драка,
Обмывали рождение члена плавсостава,
Да чего-то не поделили, право.
В другой квартире тоже раздрай глубокий –
Сообща учат на завтра с детьми уроки.

В третьей… в четвёртой…
Дом живёт по своим законам:
Растит, женит, провожает к Харону,
Сохраняясь в памяти моей долгой
От вентиляционной трубы до дверной щеколды,
От малого дитя до замшелой бабки,
От юнги до капитана в отставке
По соседству с несуществующим зимним отстоем.
С грустью смотрю на место теперь пустое.
Свет включили в угловом окне,
Мурашками он пробежал по спине,
На бельевой верёвке забытая тельняшка –
Вспоминать прошлое и легко, и тяжко.
Всё привычно и так знакомо,
Стоя возле дома, дома-фантома.

– 35 –

Сейчас непонятно, как это в очереди за хлебом
Можно было обсикаться в два счёта,
Обсикаться можно, а уйти – нет,
Хотя прозябание в очереди не считается за работу,
Несмотря на то, сколько тебе лет.
И вообще, очередь – это прерогатива
Старух и мальчишек, а не мужиков из серьёзного дома,
А ещё сбор макулатуры и металлолома
(Хотя это лишь ребячье дело),
Старушечье – креститься, убоявшись грома.
Какие глупые эти российские богомолки,
Жизнь прожили, а, считай, без толку.
Дома престарелых и детдома
Переполнены старичьём и младенцами-антиподами,
Единство и борьба противоположностей:
Одни писаются, а другие – крестятся, по возможности.
Жизнь проходит от очереди родиться
До очереди – умереть,
Почти мгновенно, от месяца к месяцу,
Быстро, зато не о чем сожалеть.

– 36 –

Я вижу фантасмагорическую картину:
Моё село, моя малая родина,
Проступает сквозь толщу воды вроде бы
Красноярского водохранилища – история длинная.
И лики моих родных проступают,
То сильно искажённые, то совсем немного,
А я стою на берегу, у края,
Не видя улицы и родного порога
Из-за ряби речной воды
Или просто глаза застилают слёзы,
Родные мои там не знают беды,
Грядущего излома не предвидят угрозы.
Вон лицо промелькнуло, не разобрал чьё,
То ли бабушки, то ли мамы…
Совсем молодые, а говорят, старичьё,
Некогда пережившее такую драму.
Теперь-то их на самом деле нет,
А село опустилось на дно «морское»,
И хотя миновало достаточно лет,
Воспоминания по-прежнему не дают покоя.
И даже кладбище деревенское на юру
Уже давно заподлицо с землёю,
Как будто время затеяло игру
И сканирует прошлое от слоя к слою.
Этак, пожалуй, дойдёт до могил,
В которых близкие наши лицами кверху.
Достаточно, нет больше сил
Ежедневно производить сверку,
Подбивая баланс неправедных дел
Достижений минувшего, в больших кавычках,
Такова планида и таков удел
Жизни, казавшейся вполне приличной.

СТИХ 74

Пережить зиму.
Когда в запасе их много – ничего особенного,
А когда две-три?

Пережить зиму, наблюдая, как торжественно,
Словно в последний раз,
В обморок падает снег.
Снегопадение, как грехопадение.
У реалистов-художников
Он всегда фантастически разный:
От кремового
И до цвета радуги,
А у литераторов он всегда белый
И либо идёт, либо лежит,
Третьего не дано.
Если это пурга, ветер несёт
Кубометры того, что вчера ещё было снегом,
То сегодня в объятиях ветра
Это просто снежная пыль
Или снежная мешанина.
Здесь ветер силён, как мужчина,
Схватил и несёт.
Это как женщину кто-нибудь
И куда-то несёт,
А она, если любит, то себе не даёт отчёт,
Куда и зачем,
А если не любит,
То и любовь не в зачёт.
Снег идёт,
Снег идёт,
Снег идёт.
Главбух запорол годовой отчёт,
Студент – решающий зачёт,
Хотя тот и другой не сечёт,
В чём причина?
Попасть в переплёт,
Когда снег идёт.
Но ведь сотни других главбухов
Сдают, и студент не теряет присутствия духа,
Когда не сдаёт зачёт.
Почему же такая непруха,
Когда снег идёт?

Не читайте мрачные книги.
Не смотрите мрачные фильмы,
Никто вас не подтолкнёт
К мрачным выводам,
К мрачным видам…
Снег идёт.
Задумчивый преподаватель
Переставляет на столе чая чашку.
И делает студенту поблажку
Завтра, а не через год,
Неподъёмный пересдать зачёт.
И главбуховское начальство
Премии не лишает квартальной,
А даже на корпоратив зовёт,
Когда снег...
Когда снег...
Когда снег идёт.
И только с девушками наоборот,
Поворот
От ворот,
Не везёт, когда снег непрерывно идёт.
Характер портится меланхолический,
Картинка не складывается идиллическая.
Снег идёт.

СТИХ 75

Карамельный запах кондитерского магазинчика,
Пряничный запах вечернего кафе…
Мужчина выходит слегка подшофе,
В руках с пирожными маленькая корзиночка.
Мужчине хорошо, такое бывает не часто,
Жизнь напоминает плохой водевиль,
И если его не заберут в участок
Или не собьёт на переходе автомобиль,
Он пирожные донесёт дочке,
Сказку почитает на ночь ей,
Глаз кося на телевизионную строчку

Вечерних вялотекущих новостей.
Уснёт на диванчике, в одежде прямо,
Хотя на ночь люди раздеваться должны,
Да к чему, если нет у дочурки мамы,
А у него верной и любящей жены.
Где она теперь, у какого причала
Пристать готовится, с кем устраивать быт?
И наверняка устраивает ли, если сказала,
Что семейная идиллия ей претит,
Что у неё совсем иное предназначение
В этой жизни, да и жизнь лишь одна,
Где преклонила свои колени,
Перед кем и надолго ли она?
Он проснётся утром, попьёт чаю,
О дочери не заморачиваясь, потому
Что девочка смышлёная и уже большая
И ждать отца привыкла, судя по всему.

СТИХ 76

Клумбы фейерверков на ночном небосводе
Напоминают расцветающие на земле цветники,
Придумали же «садовники» чудеса вроде
Тех, что демонстрируют от безделицы или тоски.
А чего теряться, землю облагородили,
Теперь в небеса время са́мое,
Засеваем ближнее ночное бесплодие
Огненными цветами, отвешивая килограммами.
Бабушка стоит, рот разинула,
Такие салюты лишь в войну бывали.
Вот вспомнила, сколько лет минуло,
Но бабка имеет за войну медали.
Недаром на параде в рядах первых
Стоит с оранжевой ленточкой в петлице.
Правда, часто плачет, сдают нервы,
И сочиняет всякие небылицы
Про то, как солдаты ходили в атаки,
Наперевес держа деревянные карабины,

А потом, поди-ка, свои же ребята
Из отрядов заградительных стреляли в спины.
Но выстояли мы. Огни в небе фукают,
Охапками салютов праздничных расцветают.
Бабушка – поклонница маршала Жукова
И генералиссимуса, товарища Сталина,
Смотрит в небо подслеповатыми глазами,
Скоро ей туда, в райские кущи…
И глаза наполняются у неё слезами,
Бабке на земле нравится пуще,
Согласилась бы доживать даже с бомжами.

СТИХ 77
ТОПОНИМ.

Минусинские Маруси…
Марусинском наречён
Город. Парни здесь не трусят,
Что останутся без жён.
В Интернете, смеха ради,
Выдал шуточку остряк –
Со своей натурой сладить
Просто он не смог никак.
Креативщики из края
(Знать, обязывает чин-с)
Прикололись, обзывая
Тоже просто – Минус-инск.
Если б с плюсом оказался
Этот город, что тогда?
Он бы Плюсинском назвался –
Это круто, господа!
Плюс, он всё-таки не Минус,
Хотя что, смотря, отнять,
Что прибавить, если Синус –
Синусинском будут звать.
Синусоидой, с наскоку,
Трассу «Красноярск – Кызыл»

И Параболой – Протоку
Некто третий предложил…

СТИХ 78

В детстве думал: «Буду работать кассиром,
Продавать билеты в театр или в кино.
Кассиры – они классно повелевают миром,
Им это самой профессией предрешено.
А ещё лучше билеты продавать в автобусе,
Бесплатно катаешься, и так изо дня в день…»
Выписывал траекторию глупого счастья на глобусе,
Детских мечтаний почти несуразную хрень.
Быть, как сосед, приблатнённым в мечтах молодчиком,
Властным хозяином собственного житья.
Рос без отца, погибают, бывает, лётчики,
А бабке хотелось, чтоб стал инженером я.
Время течёт, как вода из худой корзины,
Той самой, которой на речке ловили раков.
Где вы, мечты, хулиганы, герои, кассиры,
Где вы, рабы и хозяева денежных знаков?
В детстве кассиром, в автобусе ли билетёром,
В небо ли, как не успевший нажиться отец,
В детстве хоть птицей за дивные синие горы –
Вырос, и глупым приходит мечтаньям конец.

СТИХ 79

Как просто пропить талант, данный Богом,
Нужно лишь постараться совсем немного.
Тужурку, пожалуй, пропить труднее,
Шарф, подарок любимой, не сразу с шеи
Сдёрнуть захочется, а талант?
Художник ли, музыкант,
Блистающий некогда литератор
Своему таланту объявляют нон-грата.
В руке такого бутылка – граната,
И на жизни оставшейся амбразуру
Бросается герой наш, спившийся сдуру.

Граждане, внимание, проводится распродажа
Подверженных выпивки ажиотажу,
Или просто ловить и морды бить –
Бросай пить!
Бросай пить!
Бросай… пить!
Нет же, пьют,
И всё тут.
Умиляются граждане: «Пьющий гений
Ни перед кем не встанет на колени».
И вообще, алкоголизм – это болезнь,
Попробуйте в его шкуру влезть.
Есенин пил и Куприн, и Светлов,
Зато в литературе от них светло.
В Думе вскорости издадут законы –
Не пить, не курить – проклянут с амвона.
И на экране герои пусть сосут… конфеты,
Киношникам бюджет увеличат за это.
Вот когда наступит истинная благодать,
А иначе нам гражданского общества не видать.

СТИХ 80

Деревянную саблю из ножен долой,
И на деревянной лошадке во весь опор –
Всем пиратам и бюрократам бой,
И… бумажным корабликам не страшен шторм.
Все знают – в гаванях синих луж
Нет штормовых ветров,
А в тёплых странах не бывает стуж,
Но в нищих – полно воров.
Чего они там друг у друга крадут –
Сыщикам понять невозможно.
Деревянной саблей перерубить пут
Стальную проволоку весьма сложно.
И нельзя намазать масло на хлеб –
Деревянная сабля не для этих целей,
Но без сабли в бою человек слеп,

Кого и чем рубить в самом деле?
Скачите, всадники, во весь опор,
Минуя заставы и все границы.
Всадники несутся, и светофор
Зелёным светом озаряет лица.
Старушки крестятся: «Господи, пронеси,
Оглашенные, оголтелые нынче дети…»
А у этих деток своё прайвеси
И свои высоты на примете.

СТИХ 81

Мама, папа, не теряйте меня –
Это я потерял вас
На исходе тяжёлого зимнего дня,
Израсходовав боезапас,
Не успел вас отбить от лихих обстоятельств,
От белых, чёрных и синих пятен,
Глухих, изматывающих душу причин,
Не отбил и… остался один.
Семья – это бренд,
Помимо воли ребриндинг.
Нам, наверное, было б хорошо втроём,
Как Кроуфорд Синди
В её параллельной жизни
С двумя предполагаемыми сыновьями,
Только здесь, не где-нибудь на Бич Майами,
Возможно, и Малибу.
Зачем винить судьбу нестыковкой в семье,
Проводит планида не по той статье.
Синди смотрит глазами чёрносмородиновыми.
Шлейф любви к ней тянется много лет,
Постепенно истончаясь, пока не сойдёт на нет,
И как на кардиограмме,
Рубцов послеинфарктный след,
Записанные в памяти
События давних бед
И связанные с нынешнею любовью.

СТИХ 82

Зима. Занавеси раскачиваются в такт снегопаду,
Потом февральская лазурь или карусель,
А вдоль горизонта, как слоны за садом,
Первые кучевые облака и первая капель
Здесь с южной приветливой стороны:
Раз – слоны, два – слоны, три – слоны.
Жалко, что время остановилось, как вкопанное,
Оттепель откуражилась за окном,
И снова ребячьи мордашки за стёклами,
Но Чипполино в стакане зеленеет своим вихром.

СТИХ 83

Пить кофе-эспрессо,
Задумчиво смотреть в окно рад!
У молодых – вперёд,
У поживших, как ни смотри, – назад.
И то, и другое – бесполезно.
И даже Первомайский парад
Для одних – пошло,
Для других – любезность,
Подношение дани былым привычкам,
Стирать подошвы,
Заключать в кавычки.
«Сталин – самая оболганная личность», –
Заявил кинорежиссёр В. Бо́ртко,
Хотя это, скорей всего, очередная увёртка.
Картина преступлений от времени «Сердца собачьего»,
Отбрасывая некоторые нежности телячьи.
Да и Бортко, голосовавший за «кукурузину» на Охте,
Бросился в другую крайность, не охнув.
Крайность – хедлайность.
Может, это болезнь такая,
Когда заряжен, как на простуду,
Словесным блудом?

СТИХ 84
НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС.

Деревья с подсиненными листьями,
Голубое на зелёном – зыбкий лес Мураками.
Как Миори отличается характером от Наоко,
Так этот лес от наших лесов далёк.
Хрупкая девочка с тёплыми руками
В доме, оббитом норвежским тёсом,
С лицом фарфоровым и глазами раскосыми…
Песня «Битлов» завораживала Мураками.
Время бунтарей, когда ломаются судьбы,
Характеры и тела – сухарями.
«Norwegian Wood» –
Наша молодёжь выходит на площади,
Так же у Мураками Харуки –
Отношения лежат в той же плоскости,
В какой находятся и любимой руки:
Спалить хижину или взбираться по лестнице
К вершине. Послушать Сурганову или Алсу.
Распад личности – Наоко повесится
В зелёном с голубыми листьями лесу,
Вздёрнувшись на ветке своими руками.
Её смерть закономерна и ничуть не страшна,
И теряется Сурганова «в переплётах Мураками»,
Которую путают с Арбениной Дианой
Постоянно.

СТИХ 85

Он внимательно слушает лечащего врача…
Он – это полутруп, который привезён вчера.
«Не ходить в туалет, для этого есть судно и няня, –
Слова доктора больно ранят, –
В туалете больше умерло, чем на больничной койке,
И даже больше, чем смертей на той новостройке».
Врач умна, образована, и знает она
Не только про новостройку, что видна
Из больничного в лучах солнца окна,

Ещё она знает про зубцы кардиограммы –
Прямо вторая мама…
Нашему герою хочется в туалет
И совсем не хочется на тот свет,
Но у нянечек маленькие зарплаты,
И её не дозовёшься в палату,
Разве только приманить шоколадкой –
Они до сладкого дюже падкие.
Однако, как назло, никого из родных у койки.
Растут этажи соседней новостройки,
И временами срывается то один, то другой
И летят, как тряпичные куклы, вниз головой,
Растопырив ноги и размахивая руками,
И больные решают: «В туалет ходим сами».
Передвигаются по коридору тени,
Трясутся руки, дрожат колени,
Сгибаются над вожделенным унитазом
И, случается, умирают, но не все разом,
А нянечкам выговаривает ослепительный главный врач:
«Почему в больнице устроили срач!?»
Те жмутся у своих швабр виновато
И неумолимо загоняют «полосатых» в палаты,
Морщат носики, ждут презентов,
Как вполне предполагаемой и законной ренты.

СТИХ 86

Шифровальщик штаба фронта
В августе 44-го – скрытый враг,
А слесарь из жилконторы – обыкновенный чудак
С наклонностями к переосмыслению,
И прежде всего своих заслуг и трудов,
И без способности к усвоению
Классики философских основ
О величине прибавочной стоимости
И о перипетиях приключенческой повести
Отношений двух ушлых квартиросъёмщиков
Из породы плейстейшен-гонщиков,

У которых протечки в туалетах и в головах,
Ещё они с электричеством не в ладах,
Но это уже не к слесарю начального разряда,
А электромонтёру из другой засады
И тоже со своими расценками,
Не следящим за действиями и сценками,
Которые происходят на кухне и в туалете,
Да хотя бы и на всём белом свете.
Что этим парням, не знавшим о «моменте истины»,
У них взгляды на жизнь обезличено искренне,
А что не читали о событиях в августе 44-го,
Так они вообще презирают литературу любого сорта,
Пусть это будет даже Маркес и его «Осень патриарха»,
Как говорится, слесарям не холодно, не жарко,
Или Исикава Такубоку –
Да ни с какого боку.
У них отсидки на двоих – четыре срока,
А это вам ни Акутагава Рюноске…
И далее непечатное, в сноске.

СТИХ 87

Она влюблялась ещё на седьмом десятке,
При этом щурилась и улыбалась сладко.
Лицо светилось сеточкой морщинок
При виде настоящих мужчин и лукавых мужчинок.
У ней были деньги, и она водила на верёвочке
Своих поклонников: Гош, Сержей и Вовочек,
Хотя забрезжил в организме её гастрит,
Переходящий в язву и холецистит.
А вскоре и злато перестало творить чудеса,
Из постели выдернул Бог на небеса,
И там она встретилась с некогда кумиром,
Бывшим «завлабом», а потом банкиром.
Тот поцокал языком, глядя на старуху,
И даже не кивнул ей отстранённо, сухо.
Два бесплотных тела не узнали друг друга,
И вышло как бы услуга за услугу.

СТИХ 88
ПАРФЮМЕР.

Жил в России Генрих Брокар – парфюмер,
«Ароматный Генрих» – страстный коллекционер,
Выставлял Рембрандта и Строцци в ГУМе, например,
Но, купив картину и находя её фривольной
(Содержал для этого двух «мазил» подневольных)
И чересчур открытые декольте
У дам на полотнах, подмалёвывали те.
И живописцы, картины продавшие парфюмеру,
Покой теряли сверх всякой меры.
Но не это было главным у Генриха Брокара,
Россияне мылись золой и мылом чёрным недаром,
Сбивая с конкурентов предпринимательства пыл,
Немало изготовил он парфюма и мыл,
Продавая по копейке за одну печатку.
Не примите такое за опечатку.
«Ароматный Генрих» страдал от подделок,
Пока поставщиком Ея Величества не заделался,
Удивив фонтаном из одеколона «Цветочный»
И «Любимым букетом императрицы» долгосрочным.
Духи «Красная Москва» до наших дней
Дошли, не уступая Коко Шанель.
Но не только чудом из духов и мыл
Генрих подданных империи отмыл.
И до него были на Руси бани,
Сияли россияне распаренными телами.
На своих мылах печатал Брокар буквы,
Приучая к грамоте любителей щей и брюквы.
На нет сходил запах квашеной капусты,
А мы всё: «Чтоб Западу было пусто!»
Но его фабрика под именем «Новая Заря»
Существует и поныне всё-таки не зря.
Генрих Брокар и его потомки
Слегка ослабили для народа постромки.
На их фабрике не было забастовок,
Потому что работали не за честное слово.

Зарплату еженедельно платил фабрикант,
Проявляя экономиста известный талант.
Умер он в начале XX века,
И теперь мало кто помнит про этого человека.

СТИХ 89

Привстанешь на цыпочки – и с куста
Гроздь дождя, крупнее виноградной грозди.
Ты полагаешь, что жизнь проста,
Как поклонница, которая приглашает в гости.
А у женщины этой своё на уме,
Она подчиняется только инстинкту,
И во всей непредсказуемой кутерьме
В ней гонора на жидкую или сухую пинту.
А проще сказать, без абсента не разобрать,
И она склоняется к потреблению алкоголя.
Дальше всё зависит, в какую мать
Пошлёт или пожалеет, что ли.
И царственно разрешит овладеть собой,
Причём показывая такие картины,
Что никакой синхронности – разнобой:
Головы, ноги, груди, спины,
И затемнение полное, как в войну,
Иначе просто разбомбит сходу…
Это только история про одну и с одной.
А сколько вокруг авантюрного народа.

СТИХ 90

Командиры выдвинулись вперёд,
А подчинённые отступили дружно.
Командирам каждый манёвр в зачёт,
А подчинённым это совсем не нужно.
Какие враги, когда война
Более полувека назад отгремела?
Условный противник в реальные времена –
Должно быть ясно, как чёрное на белом.
И если в армию кто такой влюблённый,

То чтоб не простаивали на «Чкаловском» самолёты –
Асфальт возить зятю министра обороны,
Выбирая из бюджета всевозможные квоты.
Потом делать вид, что одумались,
Начинается игра в кошки-мышки
И жонглирование миллионными суммами,
Где вместо недостач – одни излишки.

СТИХ 91

Нужно внимательнее относиться
К нашим теле- и радиопередачам,
Вглядываясь ведущим в лица,
Понимать, почему так, а не иначе,
А также вчитываться в названия
Газет и журналов,
Не скупая в спешке как попало.
И потом хранить, где упало:
Радио «Верхняя Вольта»,
«Эхо Науру»,
Телеканал «Снег»,
«Последний канал»,
Журналы «Амазонка», «Янцзы» и «Меконг»,
И активнее привлекать цензуру,
И смелее входить в астрал.
По кому звонит колокол, а по кому – гонг?
Наши СМИ постоянно шифруются:
Где «Комсомольцы Москвы»,
По каким маршируют улицам
«Пионеры-правдисты»?
Вглядитесь в их лица.
Даже рьяные прежде «Нашисты»
Сменили вывеску, на нейтральную.
Не будем трогать прессу региональную:
Жёлтых страниц «золотая осень»,
Да нет, пожалуй, наступающая весна,
А как слово «советский» на язык просится…
Ну, если просится, значит НА –

«Советская Россия», «Советский спорт».
Да где же советское, прямо верблюд двугорбый,
Двадцать лет советского нет, а мы до сих пор
Носимся с ним, как с писаной торбой.
До сих пор Вилены и Октябрины в ходу,
А то и почище случаются опусы.
Такого не было в 1953 году,
Забегали по городам «Сталинобусы».
И куда только смотрят Дум депутаты,
О чём у них головы с утра пухнут:
«Коммунисты», «Едроссы», «Либерал-демократы»
И вся их законотворческая кухня?
Депутатам некогда – открывают Америку.
Возводят виллы, увеличивают население
И при этом в яростную впадают истерику,
Предъявляя Госдепу же обвинения.

СТИХ 92

Это издательство населено утончёнными японцами,
И к ним приходят инопланетяне
Издавать свои запредельные книги.
Книги выходят удивительно красочными
И скучными,
Поэтому их никто не покупает…
Белая птица воспоминаний живёт во мне,
Мои руки превращаются в её крылья,
И тело начинает парить над прошлым.
Непонятно – это я становлюсь невесомым
Или субстанция, окружающая меня,
Сгущается до плотности моего тела.
Ты оставляешь на столешнице две монетки:
«Купишь хлеба, здесь хватит».
Ты продолжаешь улетать от меня
Всё дальше и дальше.
И я даже в мыслях не успеваю угнаться за тобой.
А между тем издатели с утончёнными чертами лиц
И манерами инопланетян

Продолжают издавать свои книги.
В них всё понятно: предсказуемы люди и дела их,
А в действительности всё намного сложнее,
И нельзя предсказать даже меню твоего завтрака,
Самого простого и без всяких излишеств:
Яичница, бекон, ломтик хлеба с маслом и сыр,
Да ещё чашечка кофе,
А может, яичница без бекона,
Просто хлеб – без масла и сыра
И самый дешёвый чай из пакетиков,
Подкрашенный искусственным красителем,
Без сахара, даже без сахарина.
Но под музыку вчерашней капели,
Завтрашнего дождя –
Отголоски моцартовского «Реквиема»…
Птица смерти расправляет во мне свои чёрные крылья,
И тело моё уносится далеко-далеко,
Где уже не пригодится умение ни читать,
Ни рисовать, ни сочинять музыку.
Даже слушать печальные аккорды нет необходимости –
Всё вязнет в тягучей тишине,
И целые абзацы из ненаписанных романов
Звучат в голове надоедливым речитативом.
Издательство с утончёнными японцами
Неумолимо идёт к банкротству,
И среди его постоянных клиентов
Наблюдается глухое брожение и недовольство.
Зато изданные книги начинают жить своей жизнью,
И в них обнаруживается глубинный смысл.
Люди начинают гоняться за необычными фолиантами,
А продавцы безбожно взвинчивать цены
И даже лихорадочно складировать книги
Под прилавками, вспоминая прожитый коммунизм,
И в ожидании ещё большего ажиотажа,
Только нам уже будет всё равно.

СТИХ 93
Б. Х. ЛЕЕТУ – НЕФОРМАЛЬНОМУ ДЕТСКОМУ ОМБУДСМЕНУ КРАСНОЯРСКА.

Он в городе достопримечательности местная,
Персона весьма известная:
Зимой курирует дядя Боря каток,
У него не накосячит никто.
К ребятишкам у дяди особый подход,
Его понимает мелкий народ.
И вообще дед – активная личность,
Хотя от этого не прибавляется наличность.
В своё время отсидка закалила Черномора
(Первое место среди бородатых по городу).
С трибун его не переговорит ни один оратор
И не распропагандирует ни один агитатор.
За принцип он схлестнётся хоть с командиром ОМОНа,
Когда всерьёз разозлённый.
К тому же дядя весьма «зелёный».
Поддерживает политику «справедливороссов»,
Впрочем, и к тем у него масса вопросов.
Мой сын его встретил на книжной ярмарке
(Как Маркс бородатый и такой же яркий).
Но главное у Бориса Хейновича,
Это даже не хобби, а дело жизни,
Чтоб детям жилось, как при коммунизме.
Выпрашивая у торговцев фруктов излишки,
В костюме Деда Мороза он радует ребятишек
В общагах, в детдомах и колониях,
Тех, кого не встретишь в красноярской филармонии.
У него есть маленький личный грузовичок,
Он подарки развозит на нём, молчок,
Не говорите, что Дед Мороз – это дед Борис,
Он хоть и хитёр, но совсем не лис.
А 31-го декабря на кольце, за мостом Коммунальным,
Дедушка стоит с флажком сигнальным

И с мешком от себя и добрых людей,
Приветствуя проезжающих – взрослых и детей.
Дед Мороз этот с бородой натуральной
Заряжен только на добро изначально.
Борис Хейнович Леет мечту лелеет,
Чтобы детство обездоленных было веселее,
Хотя маленьким фруктов не ел даже в Новый год,
Ребятишкам праздник от души создаёт.
И не копится в его душе обида,
Если встречает нравственных инвалидов.
Добро всегда побеждает зло,
И поэтому с дядей Борей нам всем повезло.

СТИХ 94

Крыша соседнего дома во всё окно,
Если смотреть от противоположной стены,
Длинной-длинной гофрированной лентой
Шиферная крыша, но мне всё равно…
Длинный, длинный дом,
Длинный, длинный день,
А в соседнем доме просто живут:
Любят, болеют, пьют, дерутся –
Всё просто и всё без подтекста,
Без этого махито
И без этого секса.
С привычным туберкулёзом,
С разбитыми лицами,
С дежурной «Жигой» районной полиции
И головами с похмелья,
С астрами, а не туберозами –
Этими душными белыми цветами.
Все сами собой, сами
Мюнхаузены и Емели.
Длинная крыша над ними
Словно покрывает всю их простую
И такую сложную жизнь,
Их отрыжку и слизь,

Их громогласные и придушенные крики,
Их топорные и утончённые лики.
Они там, а я здесь,
Мне непонятна их показушная спесь,
Их кичливость обыкновенным существованием,
Я задёргиваю штору, словно их забаниваю.
Но они продолжают жить под своей крышей
Улитками зелёными и рыжими,
Исподтишка наблюдая за мной.
Они понимают, что и я другой,
Не хуже их и не лучше,
Для них я просто человек-случай.
И завтра, когда меня не станет,
Они придут и в доме закроют ставни,
А потом тихо, под покровом ночи,
Скажут: «Он просто жизнь усложнял очень», –
И законно выпьют, меня помянут,
А может, даже этого делать не станут.

СТИХ 95

Тарантино не получил желанного «Оскара»,
Лишь второстепенного, в утешение,
А Спилберг вообще живёт, как на острове
Прошлых заслуг и позапрошлых везений.
Сказать: «Фортуна переменчива», – старо,
А как про неё новее скажешь?
Если гадалка – то карты «Таро»,
Если хирург – то, наверное, скальпель.
А бывший бабник – нынче скопец,
Трибун и глашатай – потерял дар речи –
Всему когда-нибудь приходит конец,
Одна бесконечность торжествует вечно:
Бесконечная глупость, бесконечный флёр,
Бесконечная невыносимость ожиданий,
Бесконечная прочность несущих опор
Так и не построенных тобою зданий.

СТИХ 96

Зима тихо-тихо спускается с небес
В виде снега и холода, для природы хватит,
Детство прорывается через пелену чудес
То в бабкиных шлёпках, то в больничном халате.
Но если детство – это всего лишь болезнь,
То зима после осени вдвойне больнее,
Как пережить эту хворь и взвесь,
Эту спесь, это вечное ярмо на шее?
Ярмо взрослости, когда уже выдохся весь,
Ярмо неудовлетворённости и обязательств.
Ты ещё не там, но уже не здесь –
Аксиома, не требующая доказательств.
Зима тихо-тихо спускается с небес,
Взрослость ещё тише переходит в старость,
И приходит понимание, что дремавший бес
Решил напоследок порезвиться малость.

СТИХ 97 «ЗБЫШЕК И БАРБАРА...»

Збигнев Цыбульский – герой шестидесятых,
В драме Вайды он погибает на свалке,
Молодой парень, застигнутый пулей.
И многим хотелось тогда так думать,
Спившимся бунтарям послевоенной оттепели.
За какие идеалы боролся герой Збышека?
Ничего не вышло.
И в кинодраме «Как быть любимой»
Он всё равно не понят, с душой ранимой
Выбросился из окна той квартиры,
Где жил когда-то со своей любимой.
Вернее, он ненавидел спасшую его женщину,
Все мифы давно развенчаны…
«А говорят, сова была дочкой пекаря», –
Слова Фелиции, только высказать их некому,
И что дорогой любит мясо с косточкой,
Ещё сильней отзывается болью острою.

Герои фильма «Как быть любимой?»
Не нашли себя – нет огня без дыма.
И сейчас молодые ищут идеалы,
И сейчас им только сытости мало.
Но Збигнев, герой целого поколения,
Погиб в сорок лет. Встал бы на колени?
Не знаю, как сказали бы: «Продукт своего времени», –
И нам не хочется думать о них пошло,
Хотя и мы, бывает, поступаем подло.
Ни Цыбульского, ни Краффтувну
Нынешние не помнят. В чём их фортуна?
Появились в нужное время и в нужном месте,
И слов не выбросить уже из песни.

СТИХ 98

Пришла, народившись заново,
Словно переселилась в другой мир.
Была Козловой, стала Барановой,
Был Вознесенским, стал Редькиным твой кумир.
Странно не гоняться за пластинками «грамм-на рёбрах»,
И даже вроде бы очередей – ноль
За колбасой, колготками, пивом с воблой,
И даже как бы навязываются: «Изволь.
У нас,
у нас
и у нас распродажи!
У нас в кредит
и у нас,
и у них…»
Покупатель зашёл, доходит до ажиотажа
Среди продавцов – по одному на четверых.
Изначальной Козловой становится дурно,
Баранова же себя берёт в руки.
Кажется, страна развивается бурно,
Только в ней можно подохнуть от скуки.
Всё есть, кроме денег. Козловой помнится наоборот,
И она покупает из сорго веник,

Захватывает поудобней и по мордам бьёт:
«Вот вам финские унитазы,
«Тайоты», «Кароллы» и шведский «Орифлейм»,
Чёртовы потребители, беспонтовые заразы,
Да вы тут, вижу, охренели совсем!»
Нынешнюю Баранову замели «за акцию»,
Предлагают освидетельствовать в психдиспансе́ре.
Полицейским неведомо, что реинкарнация
Во всём виновата на самом деле.
Что воспитанная на пионерских традициях
Козлова, в прошлом сиречь Баранова,
Не в силах вынести обстановки пошлой
И ей уже поздно начинать заново.

СТИХ 99
КАРТИНА.

Неизвестный художник
эпохи «Начало конца»,
Нарисуй мне учебник,
где до точки понятно
Всё, где нашей истории
белые, чёрные пятна…
И под маской железной
не прячет эпоха лица.
Нарисуй мне картину
размахом в четыре стены,
Где мои генералы
от войны отдыхают угрюмо,
Где забиты мукóй
и картошкой бездонные трюмы,
И не зэков везут
в кораблях на задворки страны.
Неизвестный художник
эпохи больших перемен,
Что ж ты кровью и жёлчью
измазал весёлую карту,
Где учебник твой,

где моя старая школьная парта –
Всё отнял, растерял,
ничего не оставил взамен
Неизвестный художник…

СТИХ 100
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

Этот мальчишка любил носиться
На большом и сильном, как зверь, мотоцикле,
В коляске которого моталась его девушка.
Ещё он любил радиодело
И с помощью старенького радиопередатчика
Лихо просовывал в щёлки эфира
Звуки морзянки…
Вскоре мальчишку призвали в армию
И он… погиб на границе.
Прошло много лет,
Эфир ещё более уплотнился
И без его морзянки,
А мотоцикл и девушка
Состарились под другими мужчинами.
Память о нём стёрлась,
Как их песни с магнитной ленты…
Вроде и не жил на Земле.

СТИХ 101
ВОЗРАСТ ЛЮБВИ.

Мне семнадцать лет,
И я дружу со своими сверстницами,
А потом двадцать пять… и разница
Между ними и мной – лет восемь.
Вчера исполнилось сорок шесть,
И разрыв увеличился до двадцати лет…
А скоро будет пятьдесят семь,
И я опять с ними, моими сверстницами.
Странная это штука – возраст,
Но ещё удивительнее мои любовницы.

Смешно даже, но круг замкнулся,
Хотя мужчины умирают раньше,
И женщины остаются одни
Замаливать наши грехи.

СТИХ 102
КАНЦЕЛЯРСКИЕ ТОВАРЫ.

Рисовая бумага, чёрная тушь –
Смятение чувств.
Мне, северному аборигену,
Очень трудно представить
Вкус… рисовой бумаги
И цвет настоящей китайской туши.
Скорее я представлю
Свекольный сок и чёрную сажу,
Разведённую водой,
Которыми писали в годы войны
Школьники моей страны
На узких полях газет
И между строк
Сообщений «Совинформбюро».
Рисовая бумага
И бархатистая тушь,
Аист.
Сосна.
Чёткий контур Луны,
Истекающий белым соком
И ветка сакуры,
Впрочем, это уже Япония,
Что несколько схоже,
А посему простительно для меня,
Жителя весьма далёкой
Российской глубинки,
Начинавшим рисовать на льдинках
Ногтём на замёрзших окнах
И протаивая лёд ладошкой
В окошке.

СТИХ 103
/VIVACE/

Привет, концептуалисты,
Весёленькие ребята,
Рубашку перешивающие
Русского языка!
Шили до вас гэбисты
И далее… по убивающей
Дела и литературу –
Лёгкой была рука.
Привет, сюрреалисты, –
Подонки и небожители.
Циферблаты сгибающие,
Как медные пятаки!
Большие специалисты
И далее… по нарастающей
Служители культу Личности
До гробовой доски.
Как метеоры с неба,
Врезающиеся в подушку
Воздушную и засыпающие
Под музыку всех времён.
Звёздное вам, отродье,
Приветствие по возрастающей
Или по западающей
В свой летаргический сон.

СТИХ 104
ПОЭТ И ЖЕНЩИНЫ.

Где вы, дамских сердец соискатели,
С этаким разворотом плеч,
Красавцы в расцвете лет?
В уголке отделения Союза писателей
Сидит человек лирический,
Тонкой души поэт.
Никому объяснить не смог бы,
Почему о нём грезят женщины

Ваши, кавалергарды,
Красавицы в цвете лет,
Жёны его невенчанные,
Стихов его не читающие,
Что делают, понимающие,
Только себе во вред.
Где вы, дамских сердец губители,
Хвастающиеся победами
На перекрёстках лет,
С чьёго, скажите, ведома
Сидит здесь этот поэт?

СТИХ 105

У графа Толстого под поездом гибнет Анна,
Средство убийства для своего времени – хай-тек,
Не лошадям же под ноги, выходит довольно странно,
С лошади Вронский падал – вменяемый человек.
Или вот ещё, топятся дамы в реках,
Например, Катерина у Островского в драме «Гроза»,
Ларису Гузееву губит, считай, калека,
Отправляя несчастную прямо на небеса.
Не говорим о горянке Бэлле
И о бедной Лизе, и о бледной Мэри,
Которых сберечь литераторы не захотели
(Надеялись на успех, похоже)…
Женщин убитых собрать можно целую рать,
Запросто, как на поле, хотя бы и Куликовом,
Сведя с ханской писательской ордой весёлой,
И за кем бы из них было последнее слово,
Теперь без пол-литра, пожалуй, и не разобрать!

СТИХ 106

Кто мы – решайте сами,
Все наши люди во власти
Не с Марса же прилетели: «Здрасьте,

Я ваша тётя,
А как вы живёте?
Не возмущаетесь ли на демонстрациях,
Не заходитесь ли в прострации,
Когда вас бьют в рыла и хари,
Или, если утончённо, по фейсу,
К чему только ваши моноготари,
Ваши гвоздики и эдельвейсы?»
Сопят любители креативной эстетики,
Помалкивают себе в тряпочку,
Опасаясь мощной государственной энергетики,
Вдруг перегорят их личные лампочки…

СТИХ 107
СВАДЬБА.

Все чувства выставлены на продажу
И предчувствия выставлены тоже,
А все приобретения напоминают пропажу,
Хотя на пропажу совсем не похоже.
Так что непонятно, что украдено,
И приобретённое – непонятно, если
Невеста в белом наряде свадебном,
Но жених, как истукан, на чужом месте,
И только любовник весьма доволен,
У него с этого дня развязаны руки.
Крыльями просятся они на волю,
И ему непонятны окружающих муки.
Как можно быть озабоченным чем-то
В такой день, когда покончено с прошлым,
Не ему на платье невесты ленты
Развязывать и улаживать всё по-хорошему.
И даже если ребёнок будет,
Ему не нужна на ДНК проверка.
Он эту девочку и так не забудет,
Хотя у него она не первая.

СТИХ 108

Она в нём души не чает – девка отчаянная,
А он её не замечает,
Хотя тоже чувак замечательный.
Нашла коса на камень, как говорится,
Ищут пожарные, ищет «Скорая» и полиция,
Но не могут найти
Ни парня лет двадцати семи,
Ни девицу
И негде опохмелиться.
Люди мафии – в коже лица.
Он идёт под венец с другою,
А она – воет у аналоя,
Когда все разошлись уже,
Свадьба гудит в ресторане
Типа «Фоли Берже»:
Вилок лязг, стук ножей,
Да насмешкою выкрик: «Горько!»
Тамада обнаглел настолько,
Что собравшихся кроет матом…
А она бы из автомата
От бедра их слева направо,
Отыгралась за всё на славу.

СТИХ 109

Говорят, нами правила банда убийц –
Более трёхсот расстрельных списков:
«Поддерживаю!», «Одобряю!» – (калейдоскоп лиц)
И даже: «Приветствую!»… с совестью чистой
И с чувством исполненного долга перед страной.
Теперь их внуки гордятся дедáми,
Ушедшими на заслуженный покой,
Добытый окровавленными руками.
Тихо закрылись небес врата
За спинами смиренных стариков этих,
Наверное, вздыхают: «Лепота!»,
Конечно, если убиенных на том свете не встретят.

СТИХ 110

Весна открывает снегопаду дверь,
И в марте мы, как в феврале, теперь.
Монтажной пеной заливает дворы,
Законсервированные до лучшей поры.
Наказ весне: «Снегам не открывать!» –
Она забылась и за своё опять
Взялась, и в марте снег, как в феврале,
Хотя деревьев почки в янтаре.
И лишь погода встанет на измену,
Сжимается снегов монтажная пена.
Уже им не создать привычных чертогов,
Уже они выглядят весьма убого,
И на глазах они теряют фронду,
Дружно ретируясь по всему фронту.
Весны же необстрелянные отряды
Наивно наблюдают из засады
За этим бессистемным отступленьем
Без малейшей толики сожаления.

СТИХ 111

Господин NN покинул пост директора театра на Таганке,
Отлучился в реанимацию.
Привыкли умирать на посту,
Небось, до старости не станешь ездить на танке
Или на монтажном поясе висеть сварщиком на мосту,
А в кабинете уютном при хорошей зарплате,
Еле ворочая заплетающимся языком,
Возможно, как вожди народов в своих альковах.
Главное – связи, а таланты – потом,
Имя, как на двери подкова.
Хотя молодёжь из другого теста
Что ли? Да нет, те же – терпи до старости,
А нас, ветеранов, не сдвинуть с места,
Которое с таким трудом досталось!

СТИХ 112

«Если часто нарушать правила игры,
В конце концов это становится её правилом…»
Если часто организовывать флэшмобы,
В конце концов они станут головной болью правительства,
А если часто выбирать узколобых –
Это приведёт к сплошным попустительствам.
И тогда все станут хвататься за головы,
От следственных органов до обывателей в конторах,
От девушек в нехороших квартирах, голых,
До дипломатов на важных переговорах.
«Как мы ухитрились допустить такое,
Что теперь воруют, даже не пытаясь таиться?» –
И вспоминают времечко золотое,
Когда менялись у совравших лица.
И тогда легко было делать выводы,
Наказывать или миловать сообразно проступку,
А ещё легче проводить выборы
И толочь бесконечную воду в ступке.

СТИХ 113

Прямо перед закрытием «Комнаты смеха» –
Грустного детского аттракциона –
Зеркала вдруг сами собой поехали
В «Комнату плача» – до смешного неожиданного салона.
И редкие посетители растерялись сначала:
Где им плакать, а смеяться, прикажите, где?
И стали торопливо искать начало
Причины в приближающейся к Земле звезде,
И даже не звезде, а осколку кометы,
Вспомнили Вангу, Нострадамуса же опять…
И ничего лучшего не выдумали, как про конец света,
И ринулись в кассу деньги назад выручать.

СТИХ 114

Собака Павлова, библиотека Шнеерсона,
Дольче и Габана – модного фасона –
Весь мир напрочь состоит из брендов,
Вопросов к феминисткам и вопросов гендерных.
Куда девчонке теперь податься,
Если ещё завтра только восемнадцать?
А делать, как взрослые, страсть как охота,
Но боится чертей, утянут в болото,
В трясину похоти и разврата
(Теперь такие ненадёжные ребята),
Потом сумей выпутаться без отмазки,
Если Иван-царевич не из сказки
И вообще никакой не царевич, а лох,
Спешка нужна при ловле блох.
Девочка раскрашивает лицо, идя ва-банк,
Девочка мысленно заполняет бланк
Под сумму с несколькими нулями,
Но не отправляет в посёлок к маме,
Ей такую сумму не заработать сроду,
На панели хватает без неё народу,
Она готова идти в услужение,
Согласна пойти на любое унижение,
Так и унижать никто не хочет,
И дело даже не в первой ночи.
Всё, а может, сорвать стоп-кран…
Показывает Москва, говорит Левитан,
Собаки Павлова, книги Шнеерсона…
Девочка во сне или спросонок?
Мимо проплывают картины Левитана,
А в небе люди Малевича Казимира,
И пусть на самом деле ещё очень рано,
Но уже наполняется светом квартира,
Хотя с хозяйкой чуть не до драки…
По стенам скачут розовые собаки,
И девочка решает, что с неё хватит!

СТИХ 115

Один пишет странные стихи,
Называет их психоделическими,
Другой вялые и полусонные –
Сомнамбулическими называет,
А третий просто всех кроет матом
И туда же, мол, эротические.
Какие грамотные нынче поэты,
Шибко грамотные,
Шибко грамотные.
И даже те, кто пишет простые стихи,
Именуют их классическими,
А если полупрозрачные –
То серафическими.
Ну, прямо некого послать куда подальше.
Скажут: «В словах твоих много фальши»,
Вот пишут же некоторые тяп-ляп,
Ошибаетесь – это авангардисты,
Им не нужен ваш гандикап,
Они не уроды и не садисты.
У них просто такие взгляды на поэзи́ю,
А есть ещё поклонники инфернального,
Сродни «Доктору Z» и Алексею Навальному.
Их деятельность требует разбора отдельного.
«Поэзия – езда в незнаемое…»
Непорядок это, сейчас всё про всех надо знать
И уметь друзей от врагов отличать,
Хотя у каждого своё прайвеси,
А ответственность Пушкину, что ли, нести?

СТИХ 116

Сталин и композитор Прокофьев
Умерли в один день,
А ещё через неделю с небольшим
День смерти Карла Маркса и моей мамы.
Мама, мама, ты ни в какие партии не вступала,
Ни какие арии не исполняла,
Так зачем же ты понадобилась им?
5-е и 14-е марта…
«Большая Берта», «Катюша», «Подмосковные вечера».
Звучит странно – Первая м и р о в а я война,
Потом Вторая – и опять м и р о в а я,
Вроде кто-то с кем-то выпил «на мировую»,
Сначала за «Первую»,
Потом за «Вторую»,
И вроде бы не сегодня – вчера,
Нет, уж лучше «Подмосковные вечера».
Сначала «Первый военный мир»,
Потом – «Второй…».
Мамин брат – весёлый, живой,
И мамина мать не оплакивает сына…
Такая, в общем-то, мировая картина.
Выйду в сад, небо над головой голубое
И бесконечно мирное,
Мировое такое.
Бабушка умерла, не дождавшись сына,
Мама умерла, не дождавшись брата.
Теперь учёные объясняют причины,
Почему этот парень погиб когда-то
И все смирились, значит нужно было.
Боль утихла, и многое подзабылось…

Литературно-художественное издание

Козловский Алексей Дмитриевич

Парни с рабочей окраины

Стихи

Редактор *Е. В. Чезыбаев*

Компьютерная вёрстка *Д. А. Чезыбаева*

Подписано в печать 07.05.2013
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Liberation Serif.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Печ. л. 9,25
Тираж 100 экз. Заказ № 75.

Государственное бюджетное учреждение
Республики Хакасия
«Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н,
тел.: (3902) 24-43-54, 24-30-39

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173,
тел. (3902) 21-51-65